

аала 38
шкафъ 4/8
полка 1
№ 31.

Проверено 1960

зала 38
шкафъ 48
полка 31
№ 31

В. П. Аппаицкій.

ПО ЛЕДОВИТОМУ ОКЕАНУ И ПЕЧОРЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

ВАРШАВА.

Типографія Варшавскаго Института Глухонемыхъ и Слепыхъ.

1803 г.

В. П. Аноимскій.

ПО ЛЕДОВИТОМУ ОКЕАНУ

И

ПЕЧОРЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

ВАРШАВА.

Типографія Варшавскаго Института Глухонемыхъ и Слепыхъ.

—
1903 г.

Дозволено Цензурою.

Варшава, 6 Июня 1903 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе.

I.	3 Августа. Отъѣздъ изъ Архангельска. Наши спутники. Пароходъ „Казя“ и его капитанъ. Маймакса. Двинская губа.	1
II.	4 Августа. Терскій берегъ. Орловскій маякъ и его смотрительница. Разговоры среди туземцевъ. Нововсемельскій колонистъ.	9
III.	5 Августа. Колгуевъ. Пустозерскіе кунцы.	14
IV.	6 Августа. Варандей. Печорская губа. Пріѣздъ доцмана. Бовванская губа. Устье Печоры.	17
V.	7 Августа. Буя. Сельское кладбище. Чердынцы и печоряне. Условія торговли. Отношенія между русскими, ижемцами и самоѣдами. Рѣчной пароходъ „Ижма“. Животренешущіе вопросы. Сибирская язва.	23
VI.	8 Августа. Дельта Печоры. Охенно. Вастьянскій Конь. Нангъ доцманъ и его рассказы.	44
VII.	9 Августа. Террасы печорской долины и ихъ значеніе. Рыбная ловля. Материкъ у Сергіева Щеля. Оползни. Усть-Цыльма. Условія жизни въ ней.	52
VIII.	10 Августа. Невольная остановка. Геологическій разрѣзъ выше Качкара и его значеніе для исторіи низовья Печоры. Террасы и оползни у Чулоя и Кинѣевой. Материкъ. Чарка—Вожъ.	60
IX.	11 Августа. Усть-Усса. Материкъ Невникъ-Вожъ. Его геологическое строеніе даетъ понятіе объ исторіи средняго теченія Печоры. Смольный материкъ. Дикій видъ материка ниже Усть-Дыжи.	66
X.	12 Августа. Обмелѣніе Печоры. Усть-Кожева. Обратный путь. Голый Ручей. Остановка ночью.	69
XI.	13 Августа. Денисовскій и Мутный материкъ. Прогулка по лѣсу. Паузки зырянъ. Преступленіе. Замкнутое путешествіе нашего капитана Нордцима.	71

XII. 14 Августа.	Щелье Юрское. Поганый носъ. Устье Ижмы. Проводы ратниковъ. Караваны чердынцевъ.	75
XIII. 15 Августа.	Туманъ. Разговоры пассажировъ о печорскомъ краѣ. Семья ижемцевъ носѣтъ вадежа оленей.	80
XIV. 16—20 Августа.	Возвращеніе въ Кую. Молебень. Окрестности Куй. Условія лова семги. Поѣздка на топлю къ Вьюшину. Засолъ семги. Приходъ парохода „Сергій Витте“. Капитанъ Поповъ. Отъѣздъ.	82
XV. 21 Августа.	Вайгачъ. Югорскій шаръ. Переправа оленей. Хабарово. Геологическіе разрыны. Прогулка по Хабарову и его окрестностямъ.	91
XVI. 22—24 Августа.	Возвращеніе. Неудавшаяся попытка пристать къ Колгуеву. Каналъ полуострова. Зимній берегъ. Даниской баръ. Прѣѣздъ въ Архангельскъ.	102

ПО ЛЕДОВИТОМУ ОКЕАНУ И ПЕЧОРЪ.

„Рейсъ на Печору представляють собой вполне морское путешествие со всею его своеобразною прелестью и высоким интересом“.

1. Востроумство

Намъ далекий Сѣверъ представляетъ громадный интересъ. Онъ всегда привлекалъ внимание путешественниковъ и изсѣдователей. Труды Литке, Миддендорфа, Шренка, Кейзерлиха, Гренича, Штукенберга, новѣйшихъ изсѣдователей Энгельгарда, Чернылева, Танфильева и въ которыхъ другихъ побудили и меня посетить этотъ край, при отрывавшихся провальныхъ рейсахъ между Архангельскомъ и Печоръ ю, въ 1898 году. Специально меня интересовала Печора: мнѣ хотѣлось сравнить ее съ другою большою сѣверною рѣкою—Сѣвѣрною Двиною, которая мнѣ близка званіемъ. О Печорѣ я имѣлъ понятие только по немногимъ литературнымъ даннымъ, главнымъ образомъ, по сочиненіямъ Кейзерлиха, Штукенберга и Энгельгарда. Во время своей поездки, кромѣ дневника по своей специальности, я дѣлалъ и некоторые замѣтки уже въ интересѣ туриста. Этими воспоминаніями и позволяю себѣ подѣлиться съ читателями. Привожу ихъ изъ записной книжки въ хронологическомъ порядкѣ, съ тѣмъ чтобы дать общее цѣлое поимено о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя я пережилъ.

1.

3-е Августа Въ этотъ день, въ 4 часа по полудни, было назначено отправление изъ Архангельска, отъ городской пристани Мурманскаго пароходства, океанскаго парохода „Михайль Кемпъ“. Но безъ объясненія мы ѣхали на пристань вчера на адмиралъ-

тействъ было выкинуть сигналъ, предсказывавшій юго-западный штормъ. Увѣреніе пароходной администраціи, что все обойдется свѣжимъ вѣтромъ, мало насъ успокаивало; мы, по опыту, знали, что тогда, испуемая морскими свѣжимъ вѣтромъ, дѣлается путешествіишкамъ много огорченій. Намъ рассказали о качествахъ парохода дажи намъ мало утѣшительнаго — пароходъ небольшой и плоскодонный, подерженъ боковой килемъ. Конечно насъ могла бы усилить прекрасная погода, стоявшая въ этотъ день, но очень слабый юго-западный вѣтеръ, благодаря которому и былъ ясный день, все таки внушалъ намъ опасеніе, мы тоже по опыту знали, что слабый вѣтеръ въ горахъ представляетъ на себѣ черту странной буре. Только полное спокойствіе пароходной команды и пассажировъ вскорѣ заставило насъ совершенно забыть о всякихъ опасеніяхъ.

За часъ до отхода мы уже были на пароходѣ. Въ пассажиръ также (мы на нд) Н. рука товаровъ кончилась. Пассажировъ было немного — всего было 60, изъ нихъ только одинъ вѣшалъ во второй классъ, все же остальные въ третьемъ, это были главнымъ образомъ швейцарцы — женщины возирававшіеся изъ Солиоты, куда ѣхали на богомолье, нѣсколько русскихъ поморовъ, бѣгъ съ Печоры, нѣсколько крестьянъ и какое то приказчикъ.

Туземцы, видимо давно знакомые другъ съ другомъ, расположились группой на носовой части парохода въ палубѣ и представляли довольно оригинальное зрѣлище въ своихъ машицахъ, — дерюгахъ меховыхъ рубашкахъ съ запястьями, лапирюющими голову, и въ разнородныхъ лѣтнихъ саникахъ (тоже же парадъ, но изъ сукна или шерстяной матеріи), съ узорами шерстяными чулками на ногахъ, въ табакъхъ (туфляхъ) изъ лакуры перья шерстью вверхъ или въ лонгахъ (сапоги изъ перья шерсть изнутри). Многие, саустиали кинжолы своихъ машицъ, иными обвязанными головами, друго были въ особахъ меховыхъ башмакахъ съ длинными хвостами — часакахъ (саники съ лапирюками изъ меха, меха волового оленя). Два и тризначья въ картузахъ и краіе финляндскій шарфикъ съ котомкомъ въ голѣхъ некрасиво выдѣлялись среди этихъ оригинальныхъ костюмовъ.

Женщины тоже были одѣты большою частью въ малицахъ, и только немногія были въ обшлаговечномъ крестьянскомъ паридѣ. Одежда нашихъ пассажировъ—свѣтъ не подходила къ теплому августовскому дню. Среди пассажировъ—сапожники, возвращающіеся въ свой приходъ на Ижму.

Кругомъ обширная парходная обстановка; канаты, пѣны, якоря, бочки. На рейхъ выскочили тулы мѣся, и чѣмъ не прирѣзала, предназначенная для лѣтнихъ пароходовъ, — бичевы, сто-ебъ храненія мяса на сѣмѣ. Приходъ представлялъ впечатлѣніе не работного, но своего устройства, на манеръ итальянскихъ парходы, соединяющихъ рѣку между Неаполемъ и Сициліей.

Ровно въ четыре часа, какъ и было назначено, мы отчалили; насъ не задержало даже отсутствие одного матроса, видимо за-у-лавляемаго на берегу. Присланный въ неурядицѣ на двинскихъ пар-ходахъ, я былъ не мало удивленъ такой пунктуальностью въ от-правленіи. На пристави продолжавшихъ было очень немногую въ-ско-лько родственниковъ парходной администраціи, агенты пар-ходного общества и двое городскихъ.

Какъ только тронулся парходъ, всѣ пассажиры и пар-ходная команда, какъ одинъ человѣкъ перекрестились, глядя на Михайло-Архангельскій соборъ, расположенный неподалеку отъ пристани. Никакихъ прощальныхъ возгласовъ не было. Тихимъ ходомъ пошла мы вдоль г-рѣда, вытанувшагося на вѣско-лько верстъ по берегу Двины.

Мы шли среди леса каюковъ, мачтовыхъ суденышекъ и карбасовъ, вѣрѣка встрѣли гигантскіе морские парходы. На Двинѣ было все пошло жичин и долгины, себѣно бля-годаря тому, что много крестьянъ соседнихъ селений возвра-щаются изъ Архангельска на лѣткахъ и карбасѣхъ къ себѣ домой; большинство изъ нихъ старались принагнуться къ парходу, то-бы вѣтѣмъ повѣтаться на производимой имъ — широкій пол-пѣ. Эта повѣтливость забыва доставляла, и тѣмъ же, боладное удо-вольствие особенно молодежи, сидѣвшей въ лодкахъ, и не малое развлеченіе для пассажировъ пар-хода. Впрочемъ большинство ихъ послѣднихъ слѣдили за разговорами людамъ и городомъ, любясь со-

оригинальными старыми стильными церквями, пострѣнными спонными синими куполами съ золотыми звѣздами, громадными магазинами, складами и большими, кирпичными, деревянными домами, отдѣленными другъ отъ друга большими садами.

Мы поровнялись съ бульваромъ, состоящимъ изъ аллеи маленькихъ березокъ, между которыми рѣсъ громадный бурлитъ и возвышалась особая бесѣдка съ удивительнымъ павильономъ,—любимое мѣсто прогулокъ архангелгородцевъ. Обогнувъ иксъ, т. и Пуръ-Паволокъ, главное ядро города, мы любовались расположенной вдоль безконечнаго бульвара пѣшецкой слободкой съ елчистотскими вилами, тонущими въ зелени, состоялиющей совершенно осбой, иностранный оазисъ въ этомъ чисто русскомъ городѣ.

Мы оставили лѣ право рѣчку Кузнечиху, отдѣляющую Архангельскъ отъ Саламболы и подѣхали въ Саламболѣ, этому совершенно международному городу, имѣющему съ Архангельскомъ мало общаго. Большие дома, магазины, иностранные консулыства, англиканская церковь, таможи, пристави, цѣлый рядъ торговыхъ заведеній съ иностранными обличьями,—все рѣзко отличало это предмѣстіе отъ самого Архангельска. Вдоль берега вытянулось довольно большое количество громадныхъ, океанскихъ иностранныхъ пароходовъ и множество норвежскихъ и норвежскихъ суденышекъ. Между берегомъ и судами происходило очень дѣлительное сношеніе на лодкахъ. Матросы въ костюмахъ различныхъ национальностей, позгласи на различныхъ языкахъ, възвѣ гармонировали съ англійскими, немецкими и норвежскими названиями сосудовъ и вывѣсками на различныхъ иностранныхъ языкахъ, часто издающимися на домахъ Саламболы.

Мы съ интересомъ осматривали Саламболу и вспомнили нашего бывшего лоцмана Александра, проводившаго въ Саламболѣ 15 лѣтъ и умѣвшаго объяснить по англійски, французски и норвежски. Интересно, что многочисленныя русскіе рабочіе, занимающіеся погрузкою и выгрузкою сосудовъ, гораздо скорѣе выучиваются иностраннымъ языкамъ, чѣмъ ежегодно сюда прибывающіе иностранцы русскому языку.

Проѣхавъ Саламболу мы свернули въ узкій, но очень глубокой рукавъ Дании т. н. рѣчку Майинкеу. Здѣсь новый городъ, новая жизнь, — чисто заводская. Майинкса охлѣплена съ обѣихъ сторонъ абсолютными заводами съ самой явнѣйшей заводской дѣятельностью и буквально загромождена многочисленными плотами, между которыми тамъ и тутъ въ видѣ черныхъ точекъ стоятъ океанскіе пароходы. Нашъ пароходъ съ трудомъ и бережно прѣвращаясь въ этотъ лабиринтъ, все время приходится слышать прерѣзанія между нашей командой съ одной стороны и судоплами и плотскими матросами и рабочими съ другой стороны.

На берегу и на судахъ, — народу очень много; одни подвѣдуть плоты къ заводамъ и съ ихъ помощью паровыхъ машинъ складываютъ бревна на тѣсныя баржи; во большинство занято погрузкой и разгрузки дѣла въ суда. Я не говорю, *ка суда*, потому что тѣсъ тоже грузить въ громадное отверстие, выходящееся съ бoku въ кормовой или носовой части судовъ, которыя, какъ въ широкую темную пасть, принимаютъ въ себя безчисленное число разнороднаго вида досокъ.

Смѣсь иностранныхъ матросскихъ костюмовъ и русскихъ рубашекъ хотя и гармонируетъ съ интернаціональнымъ видомъ этого западнаго городка, но совершенно не согласуется съ сумрачнымъ голландскимъ видомъ нашихъ пассажировъ, одѣтыхъ въ малицы и саванки.

Но вотъ, мы остановились; нашъ загорѣлый путь буксиръ съ иностранной клычкой, едва тащущій за собой нѣсколько громадныхъ плотовъ, онъ не обращаетъ вниманія на наши безконечные свистки и продолжаетъ идти по срединѣ узкой рѣки, занимая весь фарватеръ. Нашъ капитанъ торкаетъ терпѣливо, беретъ руль и энергично вызываетъ капитана буксира, на мостикѣ буксира показывается заспанная фигура, вполнѣ того иностранца и нахально улыбается съ нашего изхода ему гнѣвать судомъ, тюрмѣ и заканчиваютъ отборной руганью. Однако ничего не помогаетъ буксиръ медленно идетъ впередъ — загораживаетъ путь. Въ судьбѣ нашего парохода начинаютъ принимать участіе

шими сѣверными моряками; онъ прошелъ очень суровую школу матроса. По окончаніи курса, кажется, изъ Кольскаго училища, онъ поступилъ въ качествѣ юнга на норвежское судно, вѣроятно перешелъ младшимъ матросомъ на какой то пѣмецкій корабль и кончилъ свою заграничную карьеру старшимъ матросомъ на англійскомъ суднѣ.

Рассказъ о его безконечныхъ матрствахъ, переходахъ съ одного судна на другое, о суровыхъ условіяхъ матросской жизни, о ея своеобразныхъ интересахъ, матросскихъ обычаяхъ и догматахъ, показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ бывшимъ и опытнымъ морякомъ. Онъ хорошо знаетъ порты Европы, бывалъ въ Сев. Америкѣ и Астраліи. Закончивъ предварительную подготовку на иностранныхъ судахъ, онъ, начиная съ младшаго интурмана до капитана дальняго плаванія, прошелъ всѣ неразлическія ступени морской службы у насъ на сѣверѣ, который, по его мнѣнію, и кто-рости и лучше всѣхъ видѣнныхъ имъ странъ. Правдивости онъ знакомъ съ англійскими и пѣмецкими языками, не прерываетъ сношеній со своими иностранными прежними сослуживцами, находится съ ними въ перепискѣ, онъ знакомъ съ Джексономъ, знаменитымъ изслѣдователемъ земли Франца Іосифа, съ жаромъ обсуждать всю исторію экспедиціи Нансена и считаетъ Джекса спасителемъ Нансена; полагаетъ, что благополучнымъ исходомъ своего путешествія Нансенъ исключительно обязанъ Джексону. Вообще экспедиціями Нансена и Джекса на здѣсь не менѣе интересуются, чѣмъ въ Норвегіи.

Большее часу мы мирно бесѣдовали съ капитанской четой, а въ это время нашъ пароходъ равномерно шелъ вдоль Зимняго Берега, окаймленнаго измѣнчивою береговою линіей, изъ которой сѣдовали три террасовидныхъ уступа, заканчивающихся волнистымъ гребнемъ, сильно обрывавшимся, въ вечернихъ сумеркахъ, на далекомъ горизонтѣ неба. Скоро мы замѣтили послѣднее большое село Куу, за которымъ береговая линія становилась всеюжой, съ грандіозными обрывами, казавшимися сумрачными и безформенными массами въ вечерней мглѣ, въставшей хорошо рассмотреть ихъ контуры.

Между тѣмъ палуба представляла самую мерную картину; въ носовой ея части на полу расположились тѣсными группами, сидя и лежа, отдѣльно мужчины и женщины, — пассажиры третьего класса, — а вели тихую бѣдву noise равномерный шумъ мачины, тутъ же бѣгали и играли въ прятки ребятишки, чувствовавшие себя здѣсь совершенно какъ дома; трюмъ былъ освѣщенъ и нѣкоторые пассажиры уже готовились къ невозможному ужину, состоящему, большей частью, изъ трески и хлѣба.

Около 8 часовъ мы отправились ужинать въ общую каюту съ капитаномъ и его женой. Каюта освѣщена тускло лампами, въ которыхъ горитъ керосинъ (и думаю, что теперь Мурманское пароходство устроило уже электрическое освѣщеніе и на этихъ пароходахъ). Разговоръ главнымъ образомъ сосредоточивался на качествахъ и шее парохода. Пароходъ „Князь“ купленъ за границей уже старымъ, его заново отдѣляли въ Англии; иная капитанъ его принималъ и привелъ въ Архангельскъ; ходъ его медленный — не болѣе 12 узловъ въ часъ; хороши его качества заключаются въ небольшой осадкѣ — на 14 футовъ при полномъ грузѣ; поэтому онъ легко можетъ проходить черезъ не глубокий Печорскій баръ; онъ — плоскодонный, при малѣйшемъ волненіи подверженъ сильной боковой качкѣ, но по убѣжденіямъ капитана онъ легко отворачивается отъ волны, которой никогда не удается его валить.

Меня поразилъ немногочисленный составъ команды, офицерство, какъ говоритъ нашъ капитанъ, — состоитъ изъ двухъ штурмановъ и двухъ машинистовъ, а прислуга изъ шести матросовъ и 6 кочегаровъ. Послѣ незатѣйливаго ужина и чаю мы и двинулись наверхъ, палуба была пуста, только на мостикѣ стоялъ при колесѣ активный и штурманъ, два совершенно молодыхъ человека, которымъ была вѣрена судьба нашего парохода. За темнотою ночи, ничего не было видно, взошъ слабо мерцающаго маяка на Зиннехъ Берѣ. Пассажиры поконили тихимъ сномъ въ паркахъ освѣщеннаго трюма. Такъ закончился первый день нашего морского путешествія.

II

4-я Август. Ночью была не большая жара, но она не мешала намъ спать, хотя сонъ былъ тревожный, я видѣлъ себя въ большихъ объѣмахъ и говорить сонно, одручь почувствовалъ, что комната качается, накренивается, легла на бокъ, но я продолжаю говорить я съ любопытствомъ слушаю, не переставаясь я мнѣ ступилъ въ г-т-ой, но снова все стало на свое мѣсто; такой кошмаръ мнѣ представлялся несколько разъ. Утромъ теплое, но прохладное, Пароходъ идетъ по Бѣлому морю, вдоль Терского берега; этотъ полярный пустынный берегъ большею частью обрывается съ вертикальными скалами, у подножия которыхъ бурно шуметь и плыла и ре, рѣже отъ ороговъ съ и ровныхъ каменистыхъ откосовъ, по которому далеко внутри материка отбѣгаютъ широкия холмы съ бѣлыми гребнями, еще рѣже отъ представляеть пологій склонъ покрытый мхами и травой.

Обыкновенно крутой, скалистый берегъ причудливо размытъ и изрѣзанъ множествомъ овраговъ и логувъ, спускающихся къ морю выветъ съ общою повзвостью материка, этотъ послѣдній постепенно поднимаясь, образуетъ на границѣ съ горна вѣтомъ нагнѣй, вѣдвѣтый контуръ, на которомъ рѣзко выдѣляются въ дѣловой снѣгѣ три рядомъ стояща къзырника Горы.

Пейзажъ — пустынный, монотонный почти равнинный, безконечная тундра съ неглубокими ложбинами и холмами буграми, разстилается въ видѣ зеленого ковра, — тундра, на которой разбросаны темными пятнами участки, заросшие кустарникомъ и болѣе сѣдыми оазисами вѣтвистыхъ сѣдыхъ моховыхъ болотъ. Эту мертвую равнину великого озимаять передвигающаяся по ея поверхности причудливая тѣнь — Славовъ, голыхъ дѣлкахъ сѣверныхъ вѣтерковъ и освѣщаемыхъ бѣлыми лучами солнца, пробивающимися сквозь утреннюю снѣговую мглу.

Только при внимательномъ взглядѣ, или въ бинокль, можно было замѣтить на берегу нѣсколько рыбачьихъ избушекъ и крошечную избушку у устья рѣки Паноя, да бѣлую деревянную башенку на островѣ Вишиль, носившую громкое названіе „Трехостровской

башни". Видѣвшійся вдали на мысу Орловскій малецъ съ іѣскопы
хныи пѣбушками вѣрнулъ него казался явнѣ, при всей своей въ
судности убогости, кивкомъ то грандиознымъ документомъ

Всобщее этогъ малецъ произвело большое впечатлѣніе на
пассажировъ; и въ сжатіи разговоровъ, улаживали пальцами
и мажущую, выдѣляющуюся въ видѣ точки макушку, гдѣ живетъ
знаменитая смотрительница маяка, она же врачъ, акушерка, ад-
вокатъ, просвѣтительница народъ и устроительница разблудъ про-
мысловъ въ новыхъ началлахъ. О ее значеніи въ здѣшнемъ краѣ
глаголютъ очень много, но еще больше толкуютъ, какую силу
она имѣетъ, благодаря своимъ знакомствамъ въ Петербургѣ.
Для нея нѣтъ ничего невозможнаго: она стѣсняетъ школы,
большаки, дѣлаетъ тѣлесныя субсидіи на совершенствованіи
примысловъ и т. д.; все это, конечно, фронтально преувеличе-
но, но судя по степени почтения, съ которымъ о ней отзы-
ваясь и потому что явнѣ крѣптанъ, по просьбѣ пассажировъ,
привѣтствовать ее тремя салютами, надо полагать, что она поль-
зуется среди населенія и вниманіемъ и уваженіемъ. „Совсѣмъ
она на женщину не похожа“, говорятъ кто то изъ пассажи-
ровъ, и шутя не такъ, какъ всѣ поситъ, на головѣ въ родѣ
мужскія шляпки, курить, грубымъ голосомъ говорить, мужичьи
брыжжы за то, что въ нихъ нѣтъ ни предприимчивости, ни силы.
И въ правду, сама она и по уму и по расторопности любого мужчи-
ну казаться затѣнеть — На сѣнѣхъ канотавна, иливъ съ берега
чѣмъ то помахаивъ, что означаетъ, что смотрительница теперь
дома и отвѣчаетъ на привѣтъ.

Мы повернули въправо отъ маяка и уходимъ въ открытое
море. Погода стоитъ и прежнему чудная, солнечная, сѣвѣнто-
мидъ небывалыхъ сѣверо-западныхъ, мы весь день сидимъ на клан-
таскомъ мостикѣ или ходимъ по палубѣ, которая предстаетъ
очень малюк ртоту мужья въ разговорѣ и чѣмъ въ ночь голоса
бабь, алавацкихъ пѣбушекъ и чѣмъ въ ночь голоса
по палубѣ ребятами. Подвѣтческое настроеніе было предвѣсно
только одинъ разъ, когда мы указали на громаднаго тюле-
на, качавшагося на водахъ, посмотрѣвъ котораго сбѣжались всѣ

палубные пассажиры. В некоторое время тюлень служить темой для разговора, отъезд перенести на охоту, промыслам и снова начинать мирная беседа о житейских делах, меня возбудило порицание благопристойности и чинности, съ которыми велась беседа; вижу это признакомъ той распушенности, въ которой мы принялись на возмущенныхъ и даже дерзкихъ изреченияхъ среди палубной публики.

Я часто бываю въ отдаленныхъ группахъ, прислушиваясь и даже вмешиваясь въ разговоры; въ одной изъ такихъ группъ шла очень оживленная беседа, предметомъ которой было какое то недоразумение между крестяниномъ изъ Усть-Цыльма и местной пами-истродей. „Потому-то да тому назадъ, разсказываетъ усть-цылемский житель и съчастъ другими товарищами выходясь отъ края, изъ Ново-Земли на промыслы, была дана намъ помощь на постройку дома, снабжена насъ всею необходимыми для охоты и промысла, дала намъ одежды, хлеба, муки, крупу, разныхъ съестныхъ припасовъ и водки. Изъ нашей артели четверо было самофодовъ и двое русскаго; я и мой товарищ. Намъ русскимъ было поручено собрать дрова, а за это мы могли безвозмездно прожить три года; на все зобранное у казны мы обязывались уплачивать промысламъ такъ прожили мы годъ, и промысла было много, перелы, зайцы, и даже убилъ большого бѣлаго медведя. За промыслами пришелъ Александръ Михайловичъ. Тутъ у меня вышелъ со мной разговоръ изъ за счетной. Товарищи меня не поддержали, о. а. рѣд. самофоды, — и рѣдъ тахій, бѣззачѣтой угодить чинились, несугаюется и молчать, другой съ голоду гнѣреть, а чинились ничемъ не слажеть. Во время сказалъ я и зачинилъ мѣ. Кончалось тѣмъ, что Александръ Михайловичъ началъ меня скандализовать и прогналъ меня съ Ново-Земли, а тѣ которые не скандализировались, остались жить въ тѣхъ избахъ, которую мы съ товарищемъ собрали. Теперь я считаю за Ал. Мих. 60 руб. за два мѣсяца, которые потратилъ на постройку и бы, хотя за зиму мы и заплатили 20 руб., но все же по справедливости мнѣ слѣдуетъ все 60 руб., потому что я не по своей волѣ оставилъ Новую Землю.

Я ходить къ губернатору, онъ обѣщалъ разсмотрѣть дѣло, только „подожди“, говоритъ, „до свѣдующаго рейса“, а мнѣ ждать не слѣдь, я цѣлтора года не выдаю жены, у меня жена молодая, мы недавно вѣнчаны, такъ хочется вмѣстѣ жить.

На Новую Землю я только потому вынужденъ ѣхать, что разбогатѣть хотѣлъ и жену хотѣлъ туда взять, да не вышло.

Я спрашивалъ губернатора могу ли я теперь отправиться на Новую Землю, впривидѣніе если какой хозяинъ торговца на парусѣхъ поиметь меня тутъ. Губернаторъ сказалъ „я тебѣ запрятать не могу“. Вотъ теперь я буду помещивать хозяина, чтобы вмѣстѣ съ женою отправиться на промиселъ на Новую Землю“.

Месяцъ илию жемане разсказчика вернувшись на Новую Землю и я спросилъ его, что собственно его тамъ тутъ.

Крестившись говорившій раньше съ чувствомъ глубокой обиды, теперь заговорилъ оживленно съ отбѣнкомъ восторга: „На Новой Землѣ прѣмиселъ очень богатые, олень, перисъ, ваицъ, бѣлуха, мѣржъ, медвѣдь; мы убили тамъ медвѣдѣ сто двадцать рублей взяли. Медвѣди увидѣвъ такъ все равно счастье свое увидѣвъ“.

У разсказчика глаза еще больше заблестѣли „говорятъ медвѣди страшны бѣшь, медвѣди вѣчего боятся, онъ самъ человѣкъ боятся. вотъ какъ мы двухъ медвѣжатъ живьемъ ловили, такъ странно было, медвѣдица осерчала бросилась на насъ, да счастье мы ее сразу убили, олень медвѣженокъ—мѣтка смороховый бѣлъ, а другой никакъ не лавался мѣму тѣрипу, весь животъ тѣмнелъ, такъ что фельдшеръ въ тѣмнѣхъ едва ему нащипалъ, все лежалъ онъ; этого медвѣжечка мы должны были убить пѣръ ружьѣмъ“.

Это отступленіе въѣхъ очень занимало и послужило поводомъ цѣлаго ряда разсказовъ о бѣлѣхъ медвѣдяхъ.

Пустозерскій мѣстичинъ Павлоу, озерничать, съ Ваггача, съ монгольскими чертами лица, хотя и вытѣпалъ себя за русскаго, одѣтый въ лапоть и въ ботинкахъ, съ котелкомъ на голѣбѣ, степенно разсказалъ намъ, что весною на о. Ваггачѣ плавецъ, мальчикъ вѣтъ 12, убили нерпу и вытащивалъ ее на берегъ; въ это время сюда подошелъ къ нему большой бѣ-

лый медведь и пастью обхватив его голову, сжал ее такъ, что кровь выступила на вискахъ, потомъ отбросилъ мальчика въ сторону и отобрать перлу; мальчикъ не испугался, подползъ къ своему ружью и застрѣлить медведя.

Олешица Павловъ, закончивъ свой рассказъ, обратился къ скандинаву съ Новой Земли и сказать: Ахъ Михайловичъ тебя не обидеть, онъ вѣдь человекъ тахій, сарматинъ и добрый, даждо съ каждымъ самовдомъ говорить и въ нужду великаго бѣдника аходить, самовда великаго обидишь, а онъ не обидеть самовда, съ въ все испросить у него: „Да я спо не хую, отовѣлять скандинавъ, только вѣдь мои дѣла мои пропадиють и зря меня съ Новой Земли отираваа“.

„И на Н З, на счастьемъ поѣхать, врази что на Н З. художить тамъ привою, ромаса много, втимагъ здоровый — теперь и земля „закрытилась“, а значитъ „любоудия“, тамъ теперь жить можно, такой цыганъ, такъ прежде вѣтъ, только у ашвиного цыганъ бываетъ, извѣстно, что цыготный и гѣлный все равно. Если спухненъ маленько, то нужно только убить оленя и съ жее мясо ѣсть, а если ноги начнутъ пухнуть, такъ надо убить ягнца, разрѣзать его сердце и прикладывать къ вѣтамъ, врази, что на Н вой Земѣ темно бываетъ, разивъ только темного темнѣе, чѣмъ въ Усть-Цыльмѣ; такъ недѣль пять, бываетъ очень короткій день, но все же на столько свѣтло, что не было ни одного дня, чтобы мы не стрѣляли. Врази также, что тамъ не могутъ жить русские, нужно только избы хорошо построить, не съ печками, а съ таганами; таганъ быстро грѣетъ избы — вразивъ съ промаса, разложивъ огонь, а сейчасъ, рѣшилъ жло, а съ печкой нужна долго возаться. Олень полюбился мнѣ Новая Земля, и непременно наду себя хозяина, чтобы поѣхать туда“.

Рассказчикъ до такой степени увлекся прелестями Н. З., что съ нѣсколькими таинственными видомъ сказать „много на Н Землѣ хорошего, ввиривъ, у Маточинна и а) а есть сани-ламень, а подъ нами попадаетъ большъ песокъ, — савищаютъ, что сахаръ изъ него дѣлають“. Въ рѣсмихъ. Рассказчикъ одиько продолжалъ: „а Маточиннымъ шаромъ есть угольная гора, съ вон

пледь, а все же было прихлядь. Конечно трудно совмѣстятъ такой костюмъ съ покатемъ в прекрасномъ лѣтнемъ дѣвѣ, но таковы уже сѣверъ, гдѣ холода не портятъ хорошихъ людей.

Все туземцы были въ малицахъ и съ юбокъ и повидимому чувствовали себя очень хорошо, грѣясь на солнцѣ. Часты глоссы-жировъ услышалъ въ туземцахъ на лавкахъ; у нихъ ноги, кѣс, расклатки и друге, съ голыми закрытыми въ свои ротматомъ костюмы, и темъ безъ какихъ разговора, то до русскъ, то по-аляски; съ боку, съ подбѣрелъ и стороны цюоты все груда мальчишекъ. Всю эту живописную группу я дѣлать сфотографировать и только стать безамъ, то видѣть актера въ оригинальныхъ туземцевъ, какъ же намѣренье заявить одѣтъ франтъ-мѣтъ поджанивъ въ лѣтне в котель, съ гармошкой въ рукахъ, и ставъ впереди группы, и повернулъ всю картину. Раздосадованный я отошелъ въ сторону, въ это время выдвинулся изъ группы нововселясьскій „скалдынисть“ и съ укоромъ въ голодѣ замѣтилъ „что же ты, господниъ, не сказалъ мнѣ, что фотграфію дѣлать будешь, а бы видѣлъ новую малицу а теперь подумають, что я всегда такъ незладно хожу“.

Къ мнѣ подошли два оленьщики Пзловъ и Сумароковъ, оба они промышляютъ на Вайгачѣ гнѣтъ съ пятаю Пустозерскими кундами. Сумароковъ (Вайгачскій, въ отличіе отъ Колгуевскаго Сумарокова, который занимается промыслами на Колгуевѣ) — старикъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, съ проставью, приземистого роста, сильный и здоровый, держитъ себя степенно, довольно часто молчитъ, а если говорить, то лавнымъ и тихимъ голосомъ, но на русскъ съ чисто русскіи — одѣтъ въ малицу и русскую меховую юбку. Пзловъ 36 лѣтъ одѣтъ по немцамъ, и съ чертами лица вырлнскими, онъ говорить быстро и съ особымъ акцентомъ, хотя считаетъ себя за чисто русскаго, съ 12 лѣтъ онъ былъ везлакъ на промыслахъ на Вайгачѣ и нѣтъ году въ годъ, лѣтъ уже 24 года промышляетъ на этомъ островѣ. Главнымъ образомъ они занимаются промыслами у самихъ лѣтъ, но также имѣють и своихъ оленей, на которыхъ смотрятъ самоѣды, нѣтъ Пустозерска они ѣздятъ туда весной и осенью; весной направляють путь на оленяхъ че-

резь Перевозный пось и по льду черезъ Устье-Хай-пу-дырское на Хабарово, а осенью матеркомъ, огибая Хайтудырскую губу. Павловъ отлично знаетъ Вайгачъ, прекрасно ориентуруется на географической картѣ, указавъ мнѣ на ошибку въ картѣ, гдѣ Ламанъ пось показанъ на островѣ, прилежнемъ къ Вайгачу, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ находится на полуостровѣ, соединенномъ съ Вайгачемъ дугообразнымъ перешейкомъ, окаймляющимъ съ сѣверо-запада очень узкую для галии бухточку.

Отъ все время сжидая о возможности самоѣдовъ, которыхъ странники не отряхивать ижемы (заряне). По его словамъ, самоѣды народъ очень трудный и честный, слово всегда держать по очень доброты, а потому ихъ часто обижать, особенно ижемы, которые не по праву насутъ оленей въ тундрахъ, въ самоѣдскихъ земляхъ. Павловъ цѣлые годы проводитъ съ самоѣдами въ тундрѣ и совершенно свыкся съ ихъ образомъ жизни. За это время онъ такъ привыкъ питаться сырой или мороженой оленьей, что, возвратясь въ Пуствоерскъ, долгое время не могъ привыкнуть къ вареному и жареному мясу, которое ему казалось противнымъ.

Оба оня, т. е. Сумароковъ и Павловъ въ Архангельскѣ по дѣламъ, они отстаивали передъ начальствомъ свой родной Пуствоерскъ, изъ котораго хотѣли перенести волостное правление въ село Оксино, расположенное на главномъ рукавѣ Печоры, такъ какъ Печора имѣетъ рукавъ, идущій къ Пуствоерску все мѣлѣть и не проходящій для больше кружныхъ судовъ. «Говорить, что въ Пуствоерскѣ будто народъ вымираетъ и насъ страдаютъ, что сироты въ Пуствоерскѣ вымираютъ; это неправда; Пуствоерскъ отъ того быдѣть, что изъ него много переселяются въ Оксинко, которые стоятъ у форштета Печоры, а въ Оксинко очень удобное мѣсто, потому что подымается Печорой, особенно весной».

Другой важный вопросъ, волновавшій ихъ, это дѣла въ Архангельскѣ съ Вайгачемъ. Дѣло въ томъ, что для извѣстныхъ промысловъ рейсовъ предполагалось, что промыслы пойдутъ въ Архангельскъ, а на самомъ же дѣлѣ оказалось, что цѣлыя на сырье въ Ар-

хаживать туда, чтобы из Печоры, а потому и идущей хаживать, чтобы и переходъ входилъ въ Хабарово и въ Юрковскъ Шару, совершая рейсы и въ Архангельска на Печору, такъ чт бы промѣсать съ Вайта в три злата бы съ Кую (устье Печоры), а не въ Архангельскъ. Оба они оле в подругахъ о твоемъ и въ дружи приваживаюмъ хотѣли, которые были за Печору искать, дѣла, но какъ то дѣла, — что они срывали.

Часомъ къ истинѣмъ мы хощемъ бѣжать, но не знаемъ къ Къ-
гуеу, на вѣдѣе о немъ обрѣтеніе беречь, сложивше на
томъ и, тѣмъ и всматривавшесь въ нѣтъ, не замѣтимъ ни каковъ по-
дума, но одиобрачная земля уравнила съ себѣ безжизненно. „Пос-
лѣднее глѣтъ тому на адѣ“ рече сказать Сунпрѣ, въ „у“ стою мѣ-
ста острѣи и неслышны въ парходѣ в спускѣ въ островъ духъ
выгнаны, убогъ дѣлѣе адѣ, англичане не знаютъ ни слова,
ни по русскѣ ни по самѣдскѣ, прожили цѣлое лѣто, нога ихъ не
видѣла на Петру мѣстѣ рождественскѣ.

IV.

[illegible]

но совершенно безнадежно, признать мѣстности пѣкоторое раз-
нообразие. Среди этой безбрежной дали наши спурманъ ищутъ
жизни и посредствомъ бинокля открываютъ три лентушки; это три
чума, навешенные на морскую карту, и данную гидрографичес-
кимъ департаментомъ въ 1872 году и служащие для марковъ
этихъ.

Капитанъ считаетъ, что это единственные знаки, по ко-
торымъ можно ориентироваться въ этой обширной местности. Если
бы эти чумы были снесены, морими остался бы безъ всякаго удивитель-
наго послѣдствія; его мечта видѣть здѣсь башню. „Вотъ только по
этимъ тремъ чумамъ и можно ориентироваться!“

Мы приближаемся къ западной конечности острова. Капи-
танъ хочетъ начать отсчитывать „винки“ и пойдя, по слѣдующимъ
условіямъ, вѣзетъ то безформенную чучу, указывая имъ, говоря, что
это башня; въ и наирѣдѣ все свое воображеніе, не могъ найти ни-
чего похожаго на строеніе, и неудивительно это была небольшая
землишка.

Капитанъ правитъ спокойно; сейчасъ мы должны увидѣть на-
стоящій маякъ, деревянную башню, стѣнѣн на западной части
Варандей. Здѣсь мы должны взять лодку, такъ какъ входимъ въ
Черную Губу, у устья которой расположены одесныя мели, из-
вѣстныя подъ названіемъ „Лунавскихъ кошечъ“. Пройдѣть часть,
и башни не видно, капитанъ и команда начинаютъ паниковать;
мы уменьшаемъ ходъ и ближе подходимъ къ берегу, чтобы те-
перь мы могли ориентироваться, бинокли переходятъ изъ рукъ въ ру-
ки, но унывающей силой никто не можетъ увидѣть, закрадывает-
ся сомнѣніе. Варандей за это и вообще правильно за мы идемъ.
Мы сомнѣлись относительно чумы и мы не имѣемъ смѣлѣть
нѣчто-либо, я самъ не радъ, что отнесся скептически къ этимъ
знакамъ. Капитанъ на удивленіе даль протяжной свистокъ и сталъ
внимательно разсматривать карту, чтобы опредѣлить мѣсто, гдѣ, по
его мнѣнію, должна была быть башня; еще разъ капитанъ опять разгля-
дываетъ мѣстность, гдѣ подъ зрѣніемъ башни и съ восторгомъ отъ-
ражаешь въ немъ, какъ будто фантъ. Но гдѣ же башня? — по-
чужь, который занималъ все палубное населеніе. Мы даемъ опять

За Варандаемъ видѣлась тундра, постепенно поднимающаяся отъ глѣбъ материка къ рѣзко выраженному хребту, извѣстному подъ названіемъ Иней, у подножья Иней, вдоль берега, отдѣляющаго материкъ отъ Варандая, идетъ ровная травянистая полоса съ рѣдкими кустарниками „мура“, среди которой вѣстами разбросаны группы кустарниковъ „сума“. Здѣсь вѣсело бавякъ самодѣлки и афринскія (аджарскія) овечья пастбища, а позднѣе, на жаркое время, съ половины Іюня по Іюль, самодѣлки загоняють стада овецъ на хребетъ Иней гдѣ почва сухая и каменистая „лантонидъ и бета“.

Наконецъ мы миновали ласчаную очень потную косу Варандая, к которой отъ оканчивается на западѣ, и пошли, имѣя вѣдо материкъ, оканчивающійся рядомъ смутно обрисовывавшихся на горизонтѣ хребтовъ съ Петковыми камнями во главѣ, съ его рѣзко видѣющимися тремя вершинами, съ низкими темнозелеными склонами, хѣстами прерѣзанными болѣе свѣтлыми полосами ложбинъ и овраговъ.

Къ вечеру вѣтеръ утихъ. Не смотря на то, что мы находились въ Печорской губѣ, волны бушуютъ и бѣгутъ; парусъ только слегка покачивается. Какъ жалко эти суетящиеся, шумящія и жужжащія волны въ сравненіе съ тѣми величественными и мощными дхавальми океана, которыми мы такъ недавно любовались. Западный вѣтеръ страшно завываетъ и реветъ, а море безпокойно шумитъ. Небо то безоблачно, то временно покрывается быстро несущимися тучами, которыя въ видѣ громадныхъ глыбъ, отражаются на поверхности моря, ярко серебрищейся отъ лучей заходящаго солнца.

Ничья облаковъ, стоявшихъ на западѣ и видимо движущихся на насъ, напоминають своимъ очертаніемъ гитанскій горный хребетъ. Мы идемъ между Константиновскаго и Дюбинскими мысами. На палубѣ все стихло у самого носа расположились кухня, жарня, лежащихъ пичкомъ на полу палубы; нѣсколько человекъ въ тѣсномъ кружкѣ, прижавшихъ другъ къ другу, сидѣли заручивъ съ ребятами и не умолкая продолжали монотонныя разговоры. Одни изъ матросовъ опускали и поды-

мил тотъ, выкрикивалъ стараясь заглушить шумъ моря, газонну. „пить“ „пить съ половнякою“ и т. д.

На мостикѣ не подвижно стоялъ, глядя вдаль, лоцманъ—выпущая, въ мачты съ сбавленіемъ головой, на которой развѣивались черные, какъ смола, волосы. Около него суетился капитанъ. Невозможный шарканье слышалъ въ руски только три слова: „прямѣ“, „дѣржа“, „тѣво“, которыми онъ шумелъ самъ безъ участія сослѣдъ, между тѣмъ капитанъ дѣлалъ у него отъѣздъ въ примѣлахъ, по которымъ онъ вѣдѣть пароходъ.

Капитанъ не доверяетъ лоцману. Уже должны показаться базань, но никто ихъ не видитъ. Возмущеніе капитана доходить до того, что онъ самъ несколько разъ вѣдѣть на мачту и съ высоты разматриваетъ въ бинокль возмущающуюся поверхность моря—но тщетно—среды возмущенія нѣтъ. Онъ прижѣтотъ.

Равнодушный лоцманъ только выглядываетъ вдаль, не обращая вниманія на капитана, который не перестаетъ капризничать и браниться.

Наконецъ почти наткнувшись на базанъ—въ видѣ безпечной вырывающей бочки. „Хотѣ бы сносный знакъ поставили“ съ отчаяніемъ въ голосѣ обращается ко мнѣ капитанъ. „Ну ужъ и знакъ! только съуманедемъ по ней ходить. Не даромъ же не берутся страховать наши суда на этой линіи. Вотъ, вы и другіе думаете, что линія благополучна и доверяете себя“.

И дѣло еще вращаетъ капитанъ, когда мы проходимъ Бованскую губу, окруженные безбрежнымъ и дикимъ пространствомъ. Здѣсь мѣсто безопаснаго и потому капитанъ сходится съ мѣстными, но въ концѣ, выждавъ удобной моментъ, скрывается и лоцманъ. Замѣтивъ отсутствіе послѣдняго, капитанъ спустился внизъ и здѣсь повмѣлъ буфетчика на мѣстѣ преступленія—когда онъ поднесилъ лоцману стаканчикъ. „Ему лоцману доверять не слѣдуетъ, а тому (буфетчику) пить до этого и дѣла“, жаловался мнѣ капитанъ, водворивъ лоцмана на мостикъ.

Мы уже миновали Баттавскую губу и приближались къ Баттавскому полуострову — высокому песчаному берегу съ поперечными оврагами, обгладанными песчаные профили. Этот песчаный берегъ къ вѣсѣннѣму возмужаетъ, переходя въ ветреную низменную равнину, за которой выдѣлятся возвышенности — къ югу рядъ вытянутыхъ въ длину напластованныхъ, а торчкомъ торчащихъ съ юга къ берегу, образуя мѣсть „Сокоту“, находящейся у самаго входа въ устье Пезоры. Пезоры этого мыса лѣвый берегъ низменный, южный покрывалъ тѣло и мамами — на немъ обсеяно тѣлечъ, обозначающихъ въ рѣдѣ оставленныя рыбачьи лодки или овцы, которыхъ слѣды видѣлись съ маяками.

При входѣ въ Пезорскую бухту на зуба пархода ожесточился, ремень былъ натянутъ, если первыми маяками „Сокоты“ вначало Пезоры, обозначенное рѣзкомъ въхъ, она мѣнялась въ форштевень. Канаты и вѣхлы, казавшиеся вѣхлы на обозначенной форштевень, чтобы быть сложеными на парходъ; но въ расчету вѣхлы должны уже показаться, но не смотря на то, что ихъ всѣхъ въсклѣно десятковъ зорныхъ тѣлѣ, иначе нельзя было замѣтить лохматого на шести, которые собственно и составляютъ вѣхлы. Оливъ казавшаяся подымался на мачту, внимательно всматривался въ широкое водное пространство съ зрѣющимъ вѣхлымъ вѣхлымъ, стать обращаясь къ яхтману, и послѣ его, какъ обладающаго бѣлой остроумъ зрѣлымъ, чтобы онъ внимательно всматривался въ вѣхлы, то все было начато. Парходъ шелъ тихимъ ходомъ, мачта съ стѣнкой при томъ выкрикивала „два съ половиною“ (т.е. 2½ саж.), тѣло тѣло уже казавшаяся вѣхлымъ казавшаяся вѣхлымъ и онъ продолжалъ слышать вѣхлымъ; какъ тѣло одѣла въ мачтѣ, „Лѣноха“, стоявшая на носу пархода, къ всебѣлой радостѣ закричала, что вѣхлы находятся на тѣлѣ вѣхлы.

Мы спустились въ форштевень одного изъ рукавовъ Пезоры, обвѣсившись въ вѣхлымъ берегами. Съ права (лѣвый берегъ) — тѣло тѣло развились съ горюхотомъ, съ тѣлѣ (правый берегъ) за вѣхлымъ „рѣзкомъ тѣлѣ“ и тѣлѣ видѣлись

и́лся рядъ очень пологихъ волнистыхъ холмовъ, обвѣивающихъ мѣсь Соколау, со склонами, покрытыми зеленою травою, разноцвѣтными мѣхами и ворваними дустарниками и съ рядомъ обидежнѣй съ черными карликомъ тѣрѣя на верху и желтобураю гнилою вишней. Между холмами обозначались точками возвышенныя рыбацкія.

Какой то удивительный спустился въ рѣку на поребри чѣй-никъ и зачеркнувъ воды любезно пригласилъ всѣхъ гидро-боатъ грѣной воды, въ доказательство того, что морской путь уже конченъ. Почти всѣ считали своимъ долгомъ дѣлать похвалу убѣжденію сдѣлать въслѣдствіе глотать въ чашки, много, ко-гда бѣла въ прѣсной воды, креститься въ знакъ счастливаго окончанія морскаго путешествія.

Пялубилъ публики чувствовалъ себя уже дома. Къ намъ подъѣхала лодка съ рыбаками, которые сразу рѣзъ вѣтра сообщили намъ новосты во-первыхъ—семти много, оленя ла-дають, начали падать коровы и лошади, намъ на встрѣчу вы-шелъ пароходъ Черныхъ и проч.

Часъ спустя мы дѣйствительно замѣтили на горизонтѣ приближающійся къ намъ лебодышій рѣчной пароходъ. Было уже поздно и значительно стемнѣло, опасаясь ночью идти по узкому рукаву Печоры, капитанъ велѣлъ отдать якорь и мы стали на якорь въ 35-ти верстахъ отъ Буя.

Встрѣчный пароходъ, подошедши къ намъ саженой на сто, сталъ на якорь и послалъ въ нашу шлюпку Между прибывшими и нашими пассажирами начался самый оживленный обменъ новостей. Такъ кончилось наше морское путешествіе. —

У.

7 в Августѣ. Буя. Рано утромъ мы прибыли въ Буя. Съ шести часовъ пельня было слыть вѣдѣтье страннаго шума отъ лебедки, съ помощью которой разружили нашъ паро-ходъ.

Меня особенно поразило, при разсматриваніи этихъ остатковъ представителей умершаго Куйскаго населенія — это чудомъ сохранились зубы на черепкахъ. Я не могъ найти ни одного испорченнаго зуба.

Приходъ нашего парохода служить цѣлымъ событіемъ. Къ намъ безпрестанно подѣзжали лодки съ рыбаками, представлявшими семью и охотой, крѣпясь съ самоцѣлями, прикованными мрежкю, многіе прѣзжали, чтобы узнать новости и узнать гдѣ, которое здѣсь считается очень знакомымъ и рѣдкимъ нами, комъ и которое сдѣлалось доступнымъ только со времени устройства пароходныхъ рейсовъ между Петербю и Архангельскомъ. Можно сказать, что новая эра, наступившая только для северянъ. Стагдѣя соединенію ихъ съ Архангельскомъ, будетъ прежде всего отбѣчена распрстраненіемъ языка, котораго настоящаго времени почти не было извѣстно северскому населенію.

Передъ Буей стояла небольшая флотилія, состоявшая изъ нашего парохода и двухъ рѣчныхъ пароходовъ, одного почтового братаевъ Н.рицкихъ и друго Бусаряга, принадлежащаго Чернымъ крохъ того пришло въскольк барель и въ басовъ. Безпрерывное сообщеніе между пароходами и берегомъ то сжиженіемъ, то тапственныя разговоры въ разныхъ группахъ показывала, что въ Буѣ въ этомъ мертвомъ углѣ нашего сѣвера, начинается пробуждаться жизнь, и что началомъ этого пробужденія, является новое строеніе, служащее прибытію нашего парохода.

Наибольшее оживленіе было около того мѣста, гдѣ проходила выгрузка товара. Здѣсь обшествовали дружокъ изъ мѣстныхъ старожилъ, сѣзгивавшихъ съ выгружаемыми предметами и разспрашивавшихъ капитана о цѣнахъ на разные товары и объ условіяхъ перевозки.

Воспоминаніе является тѣмъ обстоятельствомъ, съ которымъ она отнеслась ко мнѣ, какъ новому человѣку, а живетъ съ нами въ тѣнѣ. Умная, что в профессора, она боролась со мною новымъ и хитро и сткршено. Пусть замечать, что на сферѣ России крестьяне почти по тѣмъ профессора, и относятся къ этому знанію съ большимъ уваженіемъ. Изъ разговоровъ съ нимъ

я составилъ себѣ приблизительно такое общее представленіе объ общественной жизни на Печорѣ.

Съ это о года, когда еще не установлены Мурманско-Архангельскимъ обществами правительственные рейсы между Архангельскомъ и Печорою, представляли собою исключительно административная связь между этими известными именованъ свѣдѣніями, и коммерческими узами. До сихъ поръ Печора въ торговомъ отношеніи тесно тяготѣла къ Пермскому району. Хлѣбъ, всѣ заводскіе и мануфактурные товары Печоряне получали отъ чердынцевъ изъ Камскаго района. Установившійся вѣками путь идетъ, главнымъ отъ Чердыни въ такомъ порядкѣ: Чердыня — вверхъ по Кама и Вилнеръ до Чусовскаго озера (120 в.) — Чусовское озеро (10 верстъ), вверхъ по Березкѣ до Усть-Камы (60 в.), вверхъ по Воткѣ до Положа (60 в.) — Вотка (10 в.) — внизъ по Воткѣ до устья Вотки — внизъ по Печорѣ (60 в.) — отсюда до Ямши плывъ по Печорѣ (60 в.), отъ Ямши до Усть-Камы (540) и отъ Усть-Камы до Куи (680 в.).

Перевозка всѣхъ товаровъ черезъ Печорско-Камскій возокъ совершается зимою, при чемъ тѣ же возчики, которые привозятъ чердынскіе товары на Печору, возвращаются назадъ нагруженные воловскими товарами. Печорскій промыселъ установился вѣками и переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію; порядокъ и условія промысла выработаны практикою и передаются изъ рода въ родъ, при чемъ цѣлая семья возчиковъ перемѣняемыми узами связана съ опредѣленными домами чердынскихъ купцовъ. Со стороны, въ число возчиковъ трудно попасть.

Пристань Ямши служитъ мѣстомъ зимовки всего печорско-отрогаго флота, находящагося въ рукахъ чердынцевъ. Здѣсь же, по чѣлоуко верстѣ выше Ямши, строится ямши карбасъ и даже деревянные пароходы, которые теперь ходятъ на Печорѣ. Отъ этой пристани и до Оранда, находящагося въ 60 верстахъ выше Усть-Камы, Печора судоходна только въ половодье. Поэтому пароходы и баржи съ транспортомъ чердынскихъ товаровъ — муки, соли, водки, керосина, чая, сахара, жемчужныхъ, мануфактурныхъ и колониальныхъ товаровъ, отходятъ отъ Ямши въ самомъ началѣ

навигации, должны пройти пространство между Якиней и Усть-К-
жевой до второй половины Мая. Съ такой веслой тягуются эти
транспорты по Нечерѣ, раположенъ же, а именно и сейчас такъ сильно
зрѣнѣе товары, которые складываются въ определенныхъ
мѣстахъ, бы въ отсутствіи зрѣнѣе товаровъ, которые въ
т время въ нах дается въ отъѣздѣ, скучная и сбирная торговля.

Идутъ чиряницы, торговля, сукна, т е такъ и сукна, судны,
которые предста иются съб д а такъ и сукна, въ
которой можно купить все, что и для д а такъ и сукна, въ
платуны и такъ и сукна, въ д а такъ и сукна, въ
не удовлетворяетъ нужды мѣстныхъ жителей и оны сукна, въ
съ и такъ и сукна, въ д а такъ и сукна, въ
грозная свой товаръ и разгружаетъ черны сукна, въ
парбасы достигаютъ въ сукна, въ д а такъ и сукна, въ
шине въ этому времени и такъ и сукна, въ
начинаютъ обратный путь по Нечерѣ, въ сукна, въ
для нихъ товарны сукна, въ д а такъ и сукна, въ
самы, жиромъ, перьями и др. Идутъ въ сукна, въ
пространств отъ Усть-К-жевой до Якиней пройти въ сукна, въ
половова, — послѣ 25 Августа, и въ сукна, въ
1 Октября.

Цены на вчерашне товары дѣлаютъ Пробы, въ сукна, въ
торговля для Нечеры имѣетъ такое же значеніе, какъ для всего Нечер-
ва, въ сукна, въ д а такъ и сукна, въ
на вчерашне мѣстѣ въ торговлю отъ сукна, въ
и сукна, въ д а такъ и сукна, въ
путемъ отъ сукна, въ д а такъ и сукна, въ
ому, въ сукна, въ д а такъ и сукна, въ
пою въ сукна, въ д а такъ и сукна, въ

На вчерашне сукна, въ Нечеру не такъ и сукна, въ
агентахъ въ сукна, въ д а такъ и сукна, въ
ныя дѣла въ Нечеру, въ сукна, въ
сукна, въ д а такъ и сукна, въ
только въ сукна, въ д а такъ и сукна, въ
ему не съ руки. Можно такъ и сукна, въ
бирской торговли и предпримчивости остаются въ сукна, въ

Теперь полными хозяевами Петоры являются чердынцы, подъ лагріархальнымъ протекторатъ которыхъ состоятъ пещеры. Одинъ изъ Суминовыхъ приблизительно такъ изъбралъ мнѣ мартую каргъту дружѣ каю съѣзжа пещорать съ чердынцами. „Бовъ чердынцы намъ соборись пѣтья, съ нами мы вѣкамъ ежати, снѣ го нѣмъ нѣмъ угождать и мнѣ снѣ, что нѣмъ нужно и вѣтъ тѣ аръ, какъ нѣмъ отнѣтъ вѣдръ рѣ, семъ у дѣа чердынцы нѣмъ рѣ снѣ таго, а тѣ Архангелскѣ тѣмъ рыба не пойдетъ. Мы съ чердынцами не стѣ снѣмъ и не жемъ ихъ; каждый нѣмъ пѣтъ лѣ снѣ у нѣмъ то за свои дѣ снѣмъ можетъ съ нѣмъ уѣхати чердынцы все нужное намъ нѣмъ нѣмъ при нѣмъ и снѣмъ бѣтъ нѣмъ, куда нѣмъ дѣтъ, и нѣмъ нѣмъ дѣтъ нѣмъ къ лѣ снѣмъ пѣтъ они нѣмъ привѣтъ лѣ снѣмъ и нѣмъ не забудутъ снѣмъ что нѣмъ лѣ снѣмъ нѣмъ нѣмъ, что у нѣмъ нѣмъ и что намъ нѣмъ съ руки. Ну лѣ снѣмъ нѣмъ и мы тѣ нѣмъ угождемъ“.

Изъ главныхъ представителей чердынцевъ можно упомянуть пароходчиковъ Черныхъ, Сулова, Норацкихъ, а изъ пещорскихъ торговыхъ царьковъ первое мѣсто занимаютъ Сумароковы (гѣмъ родъ) и Цаковы. Существуютъ конечно и другіе богатые купцы изъ русскихъ и немцевъ. Одинъ изъ нихъ живетъ въ Великовосочномъ, но въ сожалѣнію и забытъ его фамилію.

Здѣсь господствуютъ мѣстные торгшцы, причемъ существуютъ двѣ денежныя единицы пѣмъмъ денгами и товарами. Пѣмъ. фунтъ сахару нѣмъмъмъ въ пѣмъмъ снѣмъ около 25 коп., а если замѣтитъ нѣмъмъмъ, обмѣнѣнно мѣмъмъ, то за фунтъ той же сахару беретъ 30 коп. Пѣмъ мѣмъмъ жителей — русскихъ, немцевъ и сибѣровъ, торговлю занимаютъ пѣмъмъ образомъ русскіе и нѣмъмъмъ немцы, но все тѣмъмъ мѣмъмъ тѣмъмъ нѣмъмъмъ въ рукахъ русскихъ, нѣмъмъмъ служатъ посредниками между ар мѣмъмъмъ мѣмъмъмъ населеніемъ и чердынцами.

Мѣстныя купцы частью занимаются привозомъ чердынскихъ товаровъ въ Архангельскъ или у себя дома нѣмъмъмъ развѣмъжуютъ и нѣмъмъмъмъ селѣмъмъ. По тѣмъмъмъ и наиболѣе прибыльное знѣмъмъмъ ихъ заключается въ томъ, что они, сибѣмъмъ мѣмъмъмъ населенію

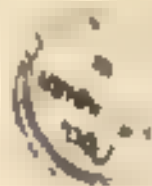
нужнымъ инвентаремъ для охоты для рыбной ловли, потомъ собираютъ съ нихъ данъ при мысли въ такомъ размѣрѣ, что промышленники пахотылся у нихъ въ полной зависимости и въ полномъ экономическомъ рабствѣ. Мѣсташе буда въкъ паша. Сумароковъ, смотритъ на промышленъ, добытый крестьяниномъ, котораго они събиваютъ инвентаремъ какъ та свою собственность. Сумароковъ совершенно серьезно и съ сегодня темъ жалованьемъ на прѣхавшихъ съ нами архангельцевъ за то, что они покупали семгу у мѣстныхъ крестьянъ, которыя, по его глубокому убѣжденію, принадлежатъ ему, ибо они слабѣе этихъ крестьянъ, всѣмъ нужнымъ для ихъ жизни и для жизни рыбы онъ „печется о нихъ всю жизнь“.

Еще болѣе проста и патриархальная отношенія между петерскими купцами и сибиряками, особенно же удельными сибиряками нашего сѣвера. Тотъ же Сумароковъ, такъ приблизительно рассказывалъ мнѣ объ его торговлѣ съ Кокуевымъ. Впрочемъ онъ не употребилъ слова „торговля“, считалъ себя по отношенію къ Кокуеву въ родѣ опекуна. „На Коку мы ходимъ съ незапамятныхъ временъ. Прежде насъ туда ходило только Сумароковыхъ, вошь, уже болѣе сорока лѣтъ, какъ я туда хожу одинъ. Въ первый разъ отецъ ввезъ меня на Коку, когда я былъ еще мальчикъ въ лѣтъ 12, только что вернувшись изъ Софійскаго монастыря, гдѣ я учился грамотѣ и „считу“. Съ тѣхъ поръ я каждый годъ хожу на карбасѣ на Коку; мы отыражемся въ концѣ августа и поведемъ на Коку въ хорошую погоду, при попутномъ вѣтрѣ, черезъ неделю, а то и два 5—6, въ случаѣ же противнаго вѣтра прихотенъ быть въ пути и до мѣсяца. Ходитъ до сихъ поръ, слава Богу, благполучно, а сколько разъ, иносмъ только мнѣ, а о немъ разъ знали, что онъ не погибъ ни разъ и не остался въ океанѣ и былъ такъ же живъ, что мы привалили другъ другу въ основаніи мачты, что мы не выбросило Иранцевъ съ Кокуевъ, какъ предполагать дѣла, обыкновенно въ концѣ сентября. Мы веземъ съ Кокуевыхъ самобѣдахъ, потому что намъ ихъ жалко, а они за это насъ называютъ слепой. Если насъ самобѣды на Кокуевъ постигли бы. Мы должны обо всемъ по-

набавлять для нихъ, привезти имъ хлѣба, соли, водки, чаю и сахару, а также орудия и др. Мы имѣемъ это на промыселъ. Цыганскіе самовѣды всегда съ нами — за себя, если у него промысла мало, мы беремъ его — ставимъ я дѣмъ ему за себя Сухомъ-го и оми-ти все, что ему нужно. Самовѣды очень частый народъ — скупы, сѣмь мѣсяцевъ, скупаются стоя, такъ бѣднѣть въ томъ, что мы имѣемъ самовѣды — это не правда, каждаго самовѣду мы беремъ, но въ то время когда денегъ не было. Намъ самовѣды не пригодны — рожать, такъ какъ чужды божьему самовѣду тѣмъ для насъ не годится, такъ божье мы выжили у него промысла. Какъ мы на это беремъ самовѣду такъ и съ во всемъ имѣемъ брать, а промыслы мы съ ними беремъ. Мы ведемъ все это дѣла и все имѣемъ все его жатки. Намъ рѣшительно обо всемъ приходится работать, мы даже приходимъ съ Петромъ въ имѣе священника, который служить у нихъ обѣзиръ въ то время въ церковь, арестить бѣглыхъ людей — вѣхъ-дѣтвухъ, вѣхъ-дѣтвухъ, арестовать, Печора — стѣзаны съ совершено на Петорѣ, т. е. съ мѣстами похороненнаго безъ священника берутъ часть земли, берутъ въ Печору, а въ сѣмь стѣзаны въ церковь и потомъ вместе съ священникомъ отправляютъ обратно въ Конгуевъ и вѣзутъ на могилу».

Сухомъ-ковъ, какъ и другіе, совершенно искренно считаетъ себя родственникомъ самовѣдовъ. «Мы никогда не бѣгаемъ самовѣдовъ; мы не беремъ на нихъ туземныхъ своихъ оленей, а только отдаемъ нашихъ оленей имъ на выкупъ — потому мы живемъ съ самовѣдами въ мирѣ, — то что возьмемъ, отъ, — а за оленей оленей на чужбѣ ихъ земляхъ, возвращаемъ только самовѣды и въ томъ время находимъ съ самовѣдами въ мирѣ».

Такъ сложился Лама-воиническая условная жизнь на Петорѣ. Коренное население тундры — цыганскія племена — самовѣды, и туземцы — оленеводы, съ совершеномъ дикими, и дикими, и вѣхъ, и вѣхъ, оленей на выкупъ съ сѣмь, они представляютъ трудовое население, занимающіяся оленеводствомъ. Въ ихъ степи постоянно вторгаются цыганскія племена — жители Петорского края, — но больше южной части (Лама, — обита-

лихъ этого народа, которые уже сдѣлали первый шагъ въ утратѣ своей самобытности, конечно было бы и невозможна мѣра къ расширенію ихъ грамотности среди самобытныхъ самоѣдовъ — впрочемъ, я уверяю, что и въ этомъ случаѣ она дала бы такіе же прекрасные результаты, какъ и въ сельскихъ селеніяхъ. Самѣды прожорливо угасаютъ въ культурѣ и это единственное средство, которое можетъ поддержать свою дикую народность, теперь начинающую угасать.

Бѣды самоѣды съживляютъ исключительно съ игилене галыхъ саерныхъ орудій; безъ нихъ эти орудія окончатся — густота и сама же дикая жизнь дружной народности будетъ въ состояніи приспособиться къ суровой жизни въ такихъ мѣстностяхъ какъ Кокуэль, Новая Земля, Хабарово, Икитачъ и пр. Между тѣмъ эти исключительные средства здѣсь не имѣютъ рода при тенеисшихъ и то же, что и вѣдъ вымираетъ. Мы не станемъ входить въ разсмотрѣніе причины этого вымирания, это вопросъ очень сложный и совершенно не выясненъ, но мы обязаны придти въ немъ въ толкъ, ибо мы въ долгу у самоѣдовъ. Въмъ на самоѣдовъ можно смотрѣть какъ на pioneers цивилизаций, которыми суждено было культурой заселить и завоевать для цивилизаций даже и сѣверъ „запови-нать“, какъ говорится въ земледельцѣй колоніи, эту необитаемую пустыню и сдѣлать ее „культурной“. И такъ съ успехомъ исполняли свои обязанности, завоевали сѣверную природу, закатали себя въ истощеніи борясь съ суровыми условиями сѣверной жизни, но заплатили за это физическою работой — они стали отъ божею благомъ — съ своимъ умственнымъ и культурнымъ. Это послѣднее рѣшительно саркастично съ нею суровой природою, а потому и бытокъ силъ, чтобы употребить на свое культурное развитіе въ этомъ отношеніи далеко превосходитъ самоѣдовъ.

Кажется бы, что простая цивилизационность требуетъ подѣляться съ теми мѣстными людьми, которые живые рѣшительно — надѣли, благодаря своимъ умственнымъ борбамъ съ природою и тѣмъ заплатить имъ за время и трудъ, потраченные ими на пользу цивилизаций, которому они предоставили для пользо-

панія гр махнуло замешпую наладь нашего батасмага с'лсера Н уѣренье, что самоѣды способны въ воспринять культуру, потому этого племя не одухотвѣнее и не дожидающее свой вѣкъ, какъ в чену то принято смотрѣть на нихъ, а обратно, самоды молодое племя, юное силъ, сильное, замеченное въ борьбѣ съ ярав'емъ, сильное неистощимое и неистощимое гордостью живое, что и смотря на гнѣвомъ гнѣть культуриныхъ, те-нотаторъ еще все-таки не гиблю. Поэтому наша долгъ сдѣлать самоѣдовъ съ желания въ томъ, въ томъ они от-стали отъ насъ, и тогда только можно быть уѣренымъ, что ихъ будущее будетъ обозначено, а въ мѣстѣ съ тѣмъ будетъ обозначено и будущее нашего далекого с'лсера.

До того я представлялся размышляю о сущ'бахъ нашего с'лсера Н. Моночь мнѣ сообщила, что въ рукахъ на время прерываю и можно совершить много перебраться на рѣш'ной дѣлахъ.

„Низмъ“ — такъ назывался нашъ в'вѣзъ и рохоть — г'б'азъ оказался еще хуже, дѣль м'жно было представить, изводящая ее издаты. Г'же ш'йз'н'хъ с'от'ной рыбы, несмѣл'н'хъ см'куръ, см'а-м'ах'хъ мас'ль, бор'м'а съ дру'м'ахъ пром'ахъ в'с'т'м'ахъ зам'ах'м'ахъ, несмѣл'н'хъ м'хъ ж'т'хъ пом'ѣд'н'хъ п'л'убы и см'ѣт'амъ и д'у-хомъ, в'с'ѣл'н'хъ т'ж'с'т'м'ахъ с'т'е'мъ п'а'ль т'р'а'ц'емъ, с'т'е'д'а кото-р'а, на л'о'у р'е'с'а'хъ ж'и'н'с'хъ п'а'л'уб'ахъ п'а'с'с'а'ж'р'а. П'р'и'п'а'с'с'ь съ т'р'а'д'м'а д'ѣ'б'р'а'т'с'я, м'е'ж'д'у п'а'у'р'ам'а, б'я'ч'кам'а съ с'а'л'омъ, ры'б'ою, к'а'л'а'т'ам'а, ц'ѣ'л'ам'а, б'а'в'ж'амъ п'а'с'с'а'ж'р'амъ, п'а'к'о'с'с'ь м'е'ж'д'у с'л'а-д'и'м'и д'ѣ'т'ям'а, п'а'б'р'а'а с'о'о'о'д'ѣ'й с'р'м'е'ж'а'т'о'къ, к'уд'а м'жно б'ы'ло бы и с'т'а'н'н'а'т'ь н'о'у' и въ это время можно было там-т'е'мъ с'л'ѣ-д'и'т'ь за с'о'б'с'т'в'е'н'н'о'ю г'о'л'о'в'о'ю, ч'т'о'бы не з'а'ч'ѣ'т'ь е'д'и'н'с'т'в'а на л'о'т'о'к'ахъ в'н'т'ой п'а'л'уб'ы п'а'с'с'а'ж'р'ахъ ч'а'с'т'и коров'ой ту'ш'и, то'е'мъ что у'б'а'т'ой на д'р'о'у. То'е'мъ г'р'а'ф'ахъ п'а'р'о'х'о'д'и'ч'амъ не с'т'и'ж'а'т'ь отъ с'б'я'к'и'в'е'л'н'хъ н'е'с'ч'а'с'т'л'и'хъ р'ѣ'ш'н'хъ п'а'р'о'х'о'д'овъ г'а'н'с'т'о' с'а'в'е'р'а. П'е'р'в'а'й в'л'с'с'ь въ руб'ков'о'ю пом'ѣ'л'а'с'ь въ п'о'с'л'ѣ'д'н'ю'ю ч'а'с'т'и п'а'р'о'х'о'д'а.

Нашъ новый с'л'уж'и'т'ель Анд'ю'м'а, р'а'с'к'р' с'т'р'ѣ'л'а'я п'е'р'е'дъ со-б'ѣ'й п'р'о'з'о'з'г'о'в'о'ю з'а'м'а'хъ съ п'р'и'м'ѣ'н'н'ы'мъ г'е'р'е'т'ар'а отъ в'и'н'н'хъ п'а'р'о'въ, д'р'о'з'и'т'ь м'е'н'а въ неб'ѣ'л'ую, по ч'а'с'т'е'л'ную руб'ку, въ ко-

торой спускался вниз почти вертикально узкая деревянная лестница, ведущая к каменное помещение первого класса. Здесь и со стороны узкого и темного коридора помещались отдельные каюты, а впереди — общая.

Она въ кротъ, гнѣздящая, съ одною очью у кою в дру-
гою бѣже широко сдѣлана. Сила прелест влеча память. Она
ломитъ кротъ у самаго зарох-много колеса. Въ углу ви-ѣтъ боль-
лаи икона и тереть въ тѣмъ да. Сила также пропавать с еца-
фа еса-ѣ замах-дѣлбы, смѣтливый съ затхлымъ вѣдухѣмъ до-
ло зертано и вѣнечя. Одва-ѣ Андрияна усно сила мѣня, го-
вори, что на ходу все провѣтрится.

Затемъ являлся и старикъ-дедъ на базару, чтобы ближе ознакомиться съ парохомъ. Четвертую часть пархода занимало магазинное отделение разныхъ размеровъ. Около трубы выходилъ громъ-позвонъ, а впереди еще особая перегородка для кухни. Какъ ни тесно было помещение проходной кухни, но въ ней едва хваталась для вѣрной топки стирнуха — Аннушки, же и Адріана, который впрямь ставалъ за старуху. И мы разсказали о продовольственныхъ условияхъ, что она спешила для насъ добытыхъ суповъ, заготовили „стотысячъ“ мяса и рыбы, и если даже пажою можно, то она желаетъ достать у „мамы“ въ Куз. Въ разговоръ Аннушки я успѣлъ замѣтить о своей сѣтливости и манеру прогнать еще разъ вѣшь ее отъ крестьянокъ. Оказалось, что Аннушка дочь дворянина Куз. Случай выхода замужъ дочерей духовныхъ лицъ в крестьянъ ихъ сѣверн. епархіи. На Двинѣ и въ проч. часто можно встрѣтить дочерей священниковъ, вышедшихъ замужъ за крестьянъ. Куз. часто духовнаго состоянія вужно сказать, что жены изъ духовнаго имѣли obligation и должны дѣйствовать на реченіе мужей и вносить въ крестьянскую семью свою культурную струю. И не могу безъ удивленія вспомнить крестьянскую семью (въ с. Вязьме своемъ), въ которой хозяйка съ 10-ю дѣтьми, состоявшая въ крестьянскихъ работахъ паразитъ другими словами, сумѣла привить дѣтямъ особое благосудіе, а между дѣтьми возмужавъ трогательную къ себѣ привязанность. Но въ данномъ случаѣ нельзя было заставить никакого благотвор-

На лѣвомъ берегу, у деревни Сопки, начинаются материкъ-террасовидныя возвышенности къ сѣверу, въ сторону Ледовитого океана. Пересѣченныя въ меридіональномъ направленіи Печорою, на нихъ стѣпи и рѣки имѣютъ обильнѣе, чѣмъ на материкѣ, плодородіе. Высота саж. 20—25, они сложены изъ кристаллическими породами глыбами и скалами, свидѣтельствующими, что сюда когда-то доходило оледенѣніе, и грядыны на утѣсахъ въ обрывахъ и урочищахъ виднѣются. На нихъ падежи ины уже сѣвѣе, а покрывающа тамъ и самыя бѣлыя снѣга, дѣлающа картину суровѣе. Суровѣе суровѣе океана, рисуя на его поверхности ледовыя горы, причисляя сюда каменныя глыбы, можетъ быть, тѣ же, что отъ снѣговъ сѣвернаго Урала, съ которыми они сходны. Террасы эти относятся къ составу

Этотъ материкъ спускается уступами сначала въ видѣ первой высокой террасы саж. 12 высотой, покрывающейся глыбами, а затѣмъ сложившейся изъ мелкаго песка и гравія, эта терраса можетъ быть разсматриваема, какъ результатъ размыванія материка ступающими моремъ.

Далѣе, къ упомянутой террасѣ прислоняется другая, несомнѣнно послѣдняя терраса высотой саж. 4, сложенная рѣчными отложениями со всѣми ихъ характеристиками: бѣлыми и желтыми илами, остатками гравіа и дѣлательности прибрежій, изрѣзанно, болѣе многоводной Печоры.

Наконецъ для насъ важно знать третью изъ этихъ террасъ, надъ обрывомъ которой мы стоимъ въ настоящее время. Она послѣдняя, самая высокая Печоры, а въ ней можно признать еще одну особенность террасы, вѣдущая насъ къ самому началу ея образованія и рѣзко очерчивая ея уровень. Печора съ лѣвою водою и во время межени.

Благодаря отсутствію лѣсной растительности рельефъ мѣстности очерчивается во всей ея глазоуловимости. На материкѣ, среди грядынаго гравіа, остатковъ лѣса, возвышаются частыя бѣлоствольныя холмы, по склонамъ протавуясь къ рѣкѣ глубокія логи, балки, болѣею частью покрытыя кустарниками, между ко-

крытыми сочными тугами или высокими ровными лугами, къ лѣ-
вому низкому берегу, на которомъ расположено упомянутое
большое село—Великовисочное.

У этого села мы владды двухъ крестьянъ и сдѣлали лугу,
двинувъ до Брыновскому лугу, среди болотечныхъ и безмя-
зовыхъ туговъ, поперекъ Печоры, къ правому берегу, въ отста-
вленныя низы высотамъ Бастылевыхъ Коня.

Здѣсь грандиозныя высокія скаты были уже покрыты гу-
стымъ лиственничнымъ лѣсомъ, среди котораго въ гнѣздохъ громаднѣхъ
птенъ выдѣлялись неслыханныя обитатели, не бывающія много извѣстныя
изъ нижнихъ горизонтахъ.

Однако намъ не удалось разсигрывать эту дѣлствен-
ную лѣсную чащу, громаднѣй лугъ все болѣе и болѣе разрастат-
ся у насъ подножья, только перестъ черезъ 6—7, обогнувъ это ту-
говое пространство, мы снова нѣднли къ еще болѣе густому, по-
малорослому лѣсу, окутывавшему весь материкъ. Недалеко отъ рѣ-
ки Махины склоны стали круче и перешли въ рядъ вертикальныхъ
обнаженій, которыя закончились красивымъ и угрюмымъ мысомъ.

У этого мыса высоты отходили отъ Печоры, образуя гран-
диозный и лудчкѣ, спускавшійся къ долинѣ Печоры тремя широ-
кими террасами, занятыми неслыханною лѣсною чащею мало-
рослой лиственницы.

Эти террасы постепенно поднимаются русломъ Печоры
до самаго впаденія въ нее рѣчки Махины. Одинокій мысъ, стол-
пѣй на окраинѣ цирка, сразу обрывается къ первой террасѣ, тоже
лѣсной. За нею дальше идетъ желтѣющая песчаными обнаже-
ниями вторая терраса, которую мѣстами смѣняютъ желтые песча-
ные холмы съ жалкою хвоевою растительностью, эти послѣдныя,
все приближаясь, переходили въ зеленую ивовую и болотистую
туговую террасу, окаймляющую Махину.

За сповойнымъ лѣснымъ устьемъ этой рѣчки опять пош-
ли безотрадныя песчаные холмы, переходили въ холмистую вто-
рую террасу, за которой уже противъ села Тонзвинскаго опять
сплывали высокія, но полонныя лѣснымъ материкъ.

Мы опять повернули вправо, идемъ среди третьихъ ишкихъ террасъ, окаймляющихъ русло Печоры, покрытыхъ ровнымъ довольно густымъ листовинымъ лѣсомъ, въ которомъ очень тонкая и высокая молодая деревца тѣсно прижались другъ къ другу, какъ бы лица вѣняющагося противъ порывовъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, возмущавшаго ихъ габитъ вершины. Мѣстами на мѣстѣхъ зерсть обширные участки этого лѣса были положены на землю, иногда выражены съ корнями и вырочены какъ бы глыбамъ и ступамъ съ громадными мощными слоями гнилого-торфянистой почвы — это грандиозная работа весеннего лѣсохода, образовавшего высокие ватеры.

Теперь мы идемъ, совершенно утопая въ зелени. Многоводное русло проходить по широчайшей и глубочайшей долине, окаймленной очень пологими, но высокими склонами, вершинами которыхъ въ видѣ темлосиней волнистой полосы едва обозначается въ горизонтѣ. Отъ вѣхъ къ дну долины идутъ широчайши, вышитыя сложными лѣсными покровомъ и потому мягко очерченныя террасы. Вѣковые дремучие лѣса, покрывающіе материкъ и верхнія террасы по мѣрѣ пониженія склопа долины сѣняются болѣе молодыми деревьями, а у самаго русла густо разросшіеся молодки окаймляютъ живую струю Печоры ровнымъ зеленымъ невысокимъ бордюромъ.

Какая громадная разница между тою мертвенною природою, отъ которой мы еще сегодня утромъ приходили въ ужасъ въ этой все еще суровой, но все же успокоивающей дѣйствующей безбрежной лѣсной чащѣ. Не прохаживая мы и полтора часа переть, какъ по тихой тундрѣ ползли въ характерную тайгу.

На „Нахѣ“ у насъ сразу установилось распредѣленіе дѣлъ. Мы вставали въ 8 часовъ утра, обѣдали около 2 и ужинали въ 11 часовъ вечера. Наша кухня въ толстой Аниушкѣ не вѣдала, какъ намъ угождать, ежедневно она намъ довольно вкусные пироги илѣ сѣмги, единственное сѣбѣ бное блюдо, эти пироги отличались необыкновенно большими размерами, а наша не доопрятная замѣчательная Аниушка ласковымъ голосомъ обрадовалась, что она всегда старается приготовить маленький пирогъ, а онъ уже самъ въ печь разрастается.

Все время мы проводили на бакинском мостикѣ, на свамейкѣ, находящейся подъ вафсомъ. Одесъ всѣмъ располагался старѣйшій лодчанинъ Иванъ Ивановичъ Федосѣевъ, государственнѣйшій крестьянинъ с. Нохчи Чердынского уѣзда. Онъ, Иванъ, болѣе и подвѣжнѣйшій старикъ, лѣтъ шестидесяти пользуется большимъ довѣріемъ старика Н. И. (пароходовладѣлецъ) ему вѣдомо и въѣзды въ городъ. Иванъ новый капитанъ Михаилъ Степановичъ, еще молодой человѣкъ, вѣдѣетъ, главнымъ образомъ, по урѣдкамъ порядкомъ на пароходѣ и сохраняетъ за собою неслыханное право давать предостереженіе и отсутствующимъ свѣдѣнія проѣздовъ и отхлѣбѣ приставей и приставчѣ въѣздовъ. Иванъ уже болѣе 25 лѣтъ ходитъ по Печорѣ и хорошо знаетъ мѣстность. Стоя на колесѣ, въ спѣхѣи о время, онъ знаетъ кондѣи С. И. тамъ, преимущественно Пресв. въ городѣ и Николае Чудотворцу, рассказываетъ о прошломъ Печора, которое связано у него съ именами Сибирякова и Сидорова, объясняетъ молодымъ людямъ разныя примѣты на пути или учить, какъ пройти въ трудныхъ мѣстахъ, напр. удачно пересѣчь стругу, чтобы не вадѣвая для отъѣзда, попасть подъ стругу, гдѣ всегда глубже, дѣлая разсужденіи онъ всегда выражается образно, напр. «не бери такъ хариство, а ты прѣдвѣтъ», «стергалъ онъ молодого рулеваго, который съ такою силою повернулъ колесо, что дѣла натанулись какъ струны». Онъ знакомъ и съ исторіей Печорскаго края, съ большою охотою рассказываетъ своимъ языкомъ о древней самѣдѣи и зырянъ, о ихъ древней ямской рѣчѣ, о заблужденныхъ вѣдѣиныхъ раскольникахъ и старообрядцахъ, о прѣто сѣбѣ Авикумѣ. Онъ знаетъ о дѣтешествахъ Кружнѣтера и А. А. Штукенберга. Кроме того Иванъ еще бывалъ, онъ и свидѣль Ирсѣтъ, Циклѣи, Москѣи и Києвъ, его интересуетъ по тѣмъ свѣдѣніямъ мѣста, но и музеи; онъ очень хорошо разсказываетъ о Московскомъ историческомъ музеѣ, о Румянцевскомъ музеѣ и Третьяковской галлерей.

Къ намъ онъ относился очень дружественно и привѣтливо, старался быть полезнымъ своимъ свѣдѣніямъ. Меня самъ пригласилъ на географію и между прочимъ разсказать, по тѣмъ 20 тому на-

зая на Петору приѣзжали „члены французскаго географическаго общества“ и вывели съ Петоры много самоѣдскихъ идоловъ. Долго она при помощи мѣстной пошщи безуспѣшно разыскивали самоѣдскія капища, пока наконецъ не удалось, наконецъ одного совѣтъ разорывагося самоѣда, выведати отъ него мѣстопохожденіе главнаго капища скрывавшагося въ лѣсной чащѣ у „Самоѣдской прирари“, которую мы проѣхали сегодня ниже рѣки Махины. Здѣсь удалось найти очень много самоѣдскихъ идоловъ, изъ которыхъ нѣкоторые были очень большахъ размѣровъ. Самоѣдъ, который въ полномъ видѣ выдалъ мѣсто капища, когда протрезвился и узналъ, что онъ надѣлалъ, горько плакать, хотѣлъ вало-жить на себя руки и потомъ пр-наль безъ вѣсты. „Должно быть покончили съ собою“, заключилъ Нв Нв., „потому что самоѣды очень къ идолопоклонству привержены“. На мой вопросъ, гдѣ же эти идолы, Нв. Нв. отвѣтилъ: „должно быть хранятся гдѣ либо въ археологическомъ музеѣ, въ Парижѣ“. Я оставилъ ихъ въ за-ч-лости Нв. Нв., потому, что этотъ простой крестьянинъ меня по-разилъ си-ею развитостью и интересомъ, съ которымъ онъ отпо-спалъ въ жизни.

У.

9 Августа. — Еще девять часовъ утра, но уже тепло того-да солнечная и безвѣтрная. Всѣ поспинали валанды и немного принараились, но слытаю праздника. Пароходъ тихо плетется по зеркальной, переливающейся цвѣрами поверхности воды, среди дремучей тайги. На мостикѣ за рулемъ стоитъ Иванъ Ивано-вичъ и н-етъ молитвы. Намъ не вѣрится, что мы всего лишь сут-ки, какъ покинули тунду. Теперь мы совершенно искренно нас-лаждаемся чудною погодой, грѣемся на солныѣ и любимеся при-родой — широкою далью необозримаго лѣснаго моря. Мы проѣз-жаемъ все ближе Бугаеву, оставивъ за собою правый высокій бе-регъ покрытый листъ еловыхъ лѣсомъ, сквозь который видѣ-ются бурья обавженія палучной глины, иногда образуяши сплош-

ную стѣну, и попадаемъ въ самую вѣдра величественной Печорской долины, окаймленной по обѣимъ сторонамъ широкими террасами.

Всѣхъ террасъ можно насчитать до пяти. Живая струя Печоры окаймлена желтыми песчаными отмелями, на которыхъ нагромождены вѣтромъ дюнные гряды и холмы. За этой безжизненной пустыней сълучаго гаску обыкновенно безъ всякаго перехода, или чрезъ небольшую низость, занятую рѣдкими кустарниками ивняка, тянутся роскошные туги съ сочною, густою и высокою травою и съ участками, занятыми кустарникомъ.

На тугахъ, рѣзко отдѣляясь отъ нихъ уступомъ въ свѣж. 1, 2, на которомъ нѣгда бѣгутъ пещи съ просторами и пучками изъ чернаго торфа, сѣдуетъ широкая терраса, обыкновенно покрытая ровнымъ, молодымъ, сѣянными лѣсомъ — березы, ольхи, и т., рѣже лиственницы. Еще одинъ, еще болѣе пологій уступъ, и за нимъ разстилается прерывающаяся терраса, занятая молодымъ строевымъ дровянымъ лиственничнымъ лѣсомъ, образующимъ непроходимую чащу.

Навозецъ послѣдній уступъ, ведетъ къ широкой террасѣ, покрытой строевымъ лѣсомъ. Эта терраса понышится и сливается съ водораздѣльными высотами, сплывающими на горизонтѣ.

Первые три нижнія террасы — эти естественные указатели высоты воды въ Печорѣ во время мелеви и половодья — могутъ быть объяснены современною дѣятельностью Печоры. Последняя дѣла — паяболѣе высока — указываетъ на болѣе высокое положеніе русла Печоры въ отдаленное время, вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ намекъ на существованіе двухъ верховьевъ услащенной размытальной дѣятельности въ долину Печоры. Вѣроятно эти двѣ террасы слѣдуетъ бы и отнести въ связь съ тѣми террасами, которые мы наблюдали вѣра на склонахъ материка въ сторону океана.

Вѣроятно два периода выраженного отступанія океана и два периода наиболѣе интенсивной размытальной дѣятельности въ долину Печоры обусловлены одной и тѣ же причиною.

Вообще, любясь величественной долиною этой могучей рѣки, невозможно не задаться массою историческихъ вопросовъ о прошломъ

ся, а вылетѣ съ тѣмъ о печальнѣхъ проишествіяхъ нашего сѣвера, скрывающаго въ себѣ столь много научныхъ тайнъ.

Безлюдіе и въ общѣе мертвенность въ природѣ — одна изъ характеристикъ этой суровой мѣстности. Нередко встрѣчаются группы жалкихъ тучекъ, посади гримья для пахоты и насады деревьевъ, а именно — Иппино, съ садомъ изъ 3 — 4 рябъ и Лавриасъ, стѣнами изъ бѣлыхъ облаковъ привѣтливости на изгнанный террасъ и потому погубившихъ естественныя растенія и другія животныя населенія — Голубое Биретво, Умъкъ, Голубое, благодаря своему обаятельству, мало нарушають первое впечатлѣніе о мертвенности.

Мы были въ восторгѣ, когда у Голубого встрѣтили первый разъ небольшое поле ячменя — въ то будущее время и уютнымъ полемъ на насъ во в это поле долгое время — стѣна съ единственнымъ явленіемъ.

Мы всюду отыскивали признаки жизни и къ нашему удовольствію замѣтили двухъ журавлей, рассказывавшихъ до счастаному берегу, а потомъ громадную стаю гусей, вѣроятно, собравшихся на отлетъ, и пестрѣвшихъ на бѣломъ фонѣ лесчаной отмели. Давно въ тугу увидѣли табунъ лошадей, долгое время въ отдаленнѣйшихъ горахъ на насъ, и при нашемъ приближеніи другъ бросилъ въ самъ себя пестроту карьеромъ вдоль берега, томая вусты и перескакивая ручьи.

Мы приближались къ болѣе населенной (до 10 домовъ), по все же убогой деревушкѣ Хисариу — поужоже расноуженной на прибрежьи несчастья берегу устья. Тамъ въ рѣзкомъ то же имени и слышны замѣтной на фонѣ кортасъ догвѣнаго мѣла. Въ деревнѣ — ни лошадей, ни собакъ, ни скотины.

Можно было подумать, что здѣсь все вымерло, если бы артеды въ вѣтъ версты, мы совершенно неожиданно не увидѣли на громадной расчавой отмели какъ то совершенно пустынный — стѣна громадое и известное многохъ лавасъ, обожженныхъ землей и деревомъ съ цѣлыхъ лѣсовъ жертвъ, изъ которыхъ были разбѣжаны гнѣзды сѣмъ в самыя разныя обрѣзныя работныя принадлежности. Весь берегъ чернѣлъ отъ свѣтлаго ряда до-

докъ, бочекъ и мѣстами грудъ только что пойманной рыбы. Рядъ дымившихся костровъ на берегу и въ самихъ низахъ-землянкахъ, при совершенно тихой погодѣ изкривляя эту ватагу прозрачныхъ мотыльных полетовъ. При нашемъ приближеніи изъ всѣхъ низовъ подымалось всѣхъ возрастовъ многочисленное население, бѣло одѣтое въ мунды, начиная отъ дѣтей и до старцевъ, и постепенно составило громадную толпу, которая долгое время провожала насъ глазами. Здѣсь ловятъ семгу, омулей и снетей.

Черезъ нѣсколько часовъ мы приближились къ д. Сергіево Ицено, выше котораго русло Печоры подходит къ древнему сѣзону долины.

Сначала Печора представляетъ обрывистый, высотой саж. 7, песчаный берегъ второй террасы, рѣдко видѣнныя жертиною песча, обрамлющаго рядъ вертикальныхъ обнаженій, вкруто спускающихся въ рѣку и окаймляющихъ и цоколь находящагося вдали отъ берега известнаго материка. Мы вѣдь песчаную террасу, Печора подходит къ самому матерiku, сужающему древнимъ сѣзономъ ея необозримой долины, возвышающемуся саж. на 30 — 40 надъ рѣкою. Наверху она покрита сплошнымъ гѣсомъ, внизу у рѣки обрывается и оголяется съ рядомъ вертикальныхъ обнаженій, на которыхъ отчетливо видѣны сверху карнизъ желтобурой моренной глины съ валунами, подъ которымъ лежатъ желтые диагонально слоистые пески, часто скрученные и падающіе на югъ подъ угломъ около 30 градусовъ, а основаниемъ служатъ темнѣйшія глины съ многочисленными песчаными прослоями съ рѣдко обломочными иными водосными горизонтами. Эти обнаженія перенесли насъ въ недалекую геологическую эпоху, еще болѣе суровую, чѣмъ та, ерени физико-географическія условія Печорскаго края, когда дѣятельность свѣга и льда преобладала надъ дѣятельностью воды.

Ого-оттая и вскрытаго профиля обнаженія отдѣлены другъ отъ друга зелеными бѣлками и сорагами. Эти послѣдніе берутъ началъ въ верхнихъ частяхъ древняго скелета, гдѣ они и цѣлостны; суживаясь внизу, они кончатся узкими участками не достигающими до нижней трети скелета и отдѣленными другъ отъ друга узкими выше обрывистыми участками бе-

река. Овраги и балки служат естественными тѣлами, по которымъ сверху спускаются, оползая по многочисленнымъ водонесущимъ горизонтамъ, и кроны валунистой глины, увлекаясь съ собою и растущей на нихъ тѣсь. Стояла сверху деревня, покосившаяся и нагроможденная другъ на друга, въ видѣ хитической чащи, стоявшей въ устьѣ оврага, какъ бы петръ давно ожидалъ, некая лезвющая изъ ады ихъ потоки не вырветъ ихъ на бичевникъ, гдѣ уже образовались сесформенныя скопления глины, торфа, асупно, хвороста, пней, дегенеръ, сверху размыаемый ручьемъ, а снизу подмываемый Печорой. Не бѣже 3—4 версты мы наблюдали этотъ своеобразный пейзажъ. Вскрѣшоты отступили отъ рѣки и отъ Печоры перерѣзая терукъ и вторую террасы, которыми спускается въ рѣку выходящая вадан материкъ.

Вскрѣшотъ гдѣ развернулась широкая ваданная, дышавшая жизнью. Лѣсной покровъ отступилъ и даже въ высотныхъ материкахъ и оттуда темнозелеными вливами разливался въ слоистую скатерть полей, спускавшихся лѣстрыми полосами по склонамъ первой и второй террасъ до самаго песчаного обрывистаго берега Печоры. Въ неглубокихъ балкахъ, съ небольшими ручейками на днѣ раскинулась довольно частенькая деревушка — Оленпо, Ронилескій ручей. Усть Цылемени выселки, Цыльская гора, около которыхъ прѣтнлись омы. Теперь мы погнали въ земледѣльческій районъ, такъ сказать животному хдбннго вралъ. Материкъ все больше и больше отдѣляется отъ рѣки, склоны становятся шире и положе и наконецъ переходятъ въ рядъ окружающихъ угодьевъ, покрытыхъ полями съ промежуточными неглубокими балками, заросшими кустарникомъ; наконецъ выдѣляется ааротъ и пологий равнинный склонъ, уходящій въ раздѣлъ постепенно расширяющагося передъ нами стога а печорская крѣзь. Усть-Цыма. Она втѣпнулась вдоль Печоры на 2, версты отдалась отъ рѣки широкою пологою сбавжаемымъ берега, покрытого пескомъ или валунами.

Со всѣхъ сторонъ сѣтъ устремились къ прѣставившейся только, въ томъ къ нашему взгляду составили окружающую толпу, аци-

шую всю пристань и прилегающую часть берега. Преобладали крестьяне съ велико-русскими, зырянскими и самодскими чертами лица. Тутъ же собралась и вся администрація съ исправникомъ во главѣ. Въ толпѣ выдѣлялась группа изъ трехъ че-
ловѣчно толстаго лысого кучера, одѣтаго въ длинно-полой сюртукъ и сапоговъ бугайками, и составившаго съ нимъ совершенный контрастъ маленькаго тѣлеснаго, юркаго молодого человека съ типичными евреями-мич чертами лица, одѣтаго турнетомъ, въ плюшевой шапочкѣ. Рядомъ съ нимъ стоялъ красивый порочастый шведъ. Мы сразу узнали лѣсныхъ приваачковъ, которые „обходятъ шведовъ“. Недалеко стоялъ, облокотясь на веревинку телеграфной тележки и пригвѣтствовалъ и дѣлающую на крестьянскій юниденъ „ажалонву“. Какъ можно было ѣздить на веревинкѣ по эдѣшнымъ болотамъ, при совершенномъ отсутствіи дорогъ, для меня осталось непонятнымъ. Еще раньше чѣмъ притаили къ берегу и начали распрѣсы о цѣвкахъ и примѣлахъ. Едва были уложены сходы, какъ вѣлъ пароходъ наполнялся народомъ, и рубка обратилась въ клубъ. И здѣсь общою приваачью послужило изво. Съ пароходомъ доставлена была почти и рядъ всѣхъ административныхъ предписаній. Всѣ новости обсуждались при такомъ общемъ оживленіи, что можно было подумать, что здѣсь рѣшаются судьбы края.

Нечайная новость о падежѣ оленей уже была известна администраціи. Мѣстный исправникъ что то объясняя ветеринару, который безнадѣжно пожималъ плечами и старался отвязаться отъ предлагаемой ему командировки, пхота ее безцѣльной, съ чѣмъ аь кондѣ кондоть и согласился исправникъ.

Новая мичи-сть на пароходѣ не могла остаться не замѣченной и исправникъ г. Рогачевъ очень любезно представился мнѣ и пригласилъ меня къ себѣ. Меня интересовало, какъ живутъ здѣсь интеллигентные люди, и потому я съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе. Пройдя тонкую полосу, кадылавшую рѣку, мы по-
шли на длинную и широкую улицу, тоже тонкую и болотистую, по окаймленную хорошо построенными деревянными мостками для тѣнеходовъ. Постройки — обшарованныя крестьянскія, ботыли

двухъ-этажныя избы, рѣже встрѣчаются и дома съ городскимъ характеромъ. Неправильно живетъ въ большой крестьянской избѣ во второмъ этажѣ, который и представляется здѣсь возможнымъ дѣлъ жити, ибо въ нижнемъ этажѣ, страшно сыро. Согревать же отсутствіе дровъ и самого элементарнаго комфорта и черная грязь на улицахъ и дворахъ производятъ доволно озадачивающее впечатлѣніе. Но счастъ другія наружной обстановки мы подыскали въ квартирѣ г. Богачева, городской чистейшая скромная обстановка. Эти нѣсколько крестьянскихъ комнатъ насъ приятно удивили, особенно постѣ двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ нами въ лодкѣ при напароходѣ. Сынъ г. Богачева, уроженецъ юга, по съѣзду въ нѣмъ не службѣ и по кѣрѣ увѣщанію семейства, онъ передвигался съ сѣвера гдѣ Солнце не такъ по неясн и вослѣдствію дѣтей; гдѣ Богачева уроженецъ ость-цисскаго края. Теперь съ переводомъ изъ Пяси въ Усть-Цыльму, къ тому они долго дѣлались, они получили самую большія мѣстны, какия только дѣла службѣ въ Архангельской губерніи. На канюкомъ, всего на 1 мѣсяцъ, къ нимъ прѣхали ихъ 2 дочери, гимназистки, учащіяся въ Архангельскѣ. Родители и дѣти очень счастливы, что существуетъ столь удобное и обставленное такимъ комфортомъ пароходное сообщеніе съ Архангельскомъ, дающее имъ возможность видѣться частѣе. Оживленное и радостное настроеніе молодежи, рассказывавшихъ намъ о пріятностяхъ ихъ побывки въ Усть-Цыльмѣ, сразу съ нами не уладилось усть-цылемской жизни и прироста. Родомъ изъ усть-цылемска, грѣшны сроднились въ хоршей, по ихъ мнѣнію, негдѣ, которая имъ видѣлась неслѣбная стояла здѣсь съ то мѣсяцъ въ отъѣзду прогулки на лодкѣ, которую можно было с недрать, не раснул привязать въ болотѣ, катаніе на лодкѣ въ такую погоду, которая въ слѣду сплани здѣсь рѣзкости, къ общему мнѣнію, вотъ ружье нужно сбираться съ охотой съ зрѣнью въ болотѣ и т. д. Но крѣпко не можно сравниться съ удивительной встрѣчей на охотѣ, узнать здѣсь массу новостей, получить инсма и привезенія изъ Архангельска по нѣмъ. Родители смотрѣли на жизнь въ Усть-Цыльмѣ не такъ оптимистически, жизнь здѣсь особенно вымою не

посимо свужа и тяжела. При страшныхъ холодахъ, вѣтрахъ, вьюгахъ и валосахъ страшно войти на воздухъ, страшно заболѣть, такъ какъ дѣтъ почти всегда тусуется и изъ городѣ вѣтъ вѣтеръ. Общество интеллигентныхъ людей, т. е. чиновниковъ, вѣдѣльцовъ и вѣдѣльцовъ разнородно. Население состоитъ изъ русскихъ, обрусѣвшихъ самоновъ и америкъ; большинство раскольниковъ, которые держатся извѣр—анно изъ небольшой группой православныхъ и огулаемыхъ отъ раскольниковъ иериступно стѣбною самыхъ дѣлахъ бычавъ и предвѣдѣль. Для борьбы съ расколомъ въ Усть-Цыльмѣ живутъ миссіонеры, но наилучшимъ средствомъ борьбы съ расколомъ служатъ школы, которыхъ однако въ Нечерскомъ край очень мало. Не смотря на грубость нравовъ, преступленій рѣзко, грѣхи и убогость почти неизвѣстны, а пьянство и развратъ особенно въ Усть-Цыльмѣ странные. Въ общемъ жители отличаются гомостатичностью и исполнительностью въ отношеніи всѣхъ натуральныхъ повинностей. Такъ, напр. крестьяне ходятъ за сотни верстъ устраивать и чинить земскую почтовую дорогу отъ Усть-Цыльмы до Цинег. Собираются артели и работаютъ безъ административнаго надзора. По прибытіи на назначенный имъ участокъ, они ставятъ на мѣстѣ начала работъ крестъ, на которомъ обозначаютъ название общества и время приступа къ работѣ, а потомъ, проработавъ обязательный для нихъ срокъ, ставятъ другой крестъ, на которомъ обозначаютъ время окончанія работъ.

Теперь Усть-Цыльма ожива, съ каждымъ рейсомъ прибываютъ и съ Архангелска разные люди несутъ дѣла; а съ своею очередь и усть-цыльмѣ приступаютъ къ новому теченію и вѣдѣваются въ Архангелскъ. Уже годъ тому назадъ всѣ покупатели бывавъ въ рукахъ нѣсколькихъ купцовъ, которые теперь, при пожеланіи, вѣдѣются нѣсколькимъ вѣдѣльцамъ. Въ Усть-Цыльму приходятъ и татары, закупающіе для себя на северѣ доброты и съ тѣмъ въ торговлѣ — на нихъ возмѣщается большая надежда. Вѣроятно, даже отъ развѣдыванія и промышленности. По крайней мѣрѣ, съ каждымъ рейсомъ сюда ожидаютъ прибыва представителей одной изъ всѣхъ техническихъ конторъ, которая занимается приступать къ буренію на нефть.

Наша беседа была въ самомъ разгарѣ, когда протяжный свистокъ пригласилъ насъ возвратиться на пароходъ.

Физіогномія нашего парохода совсѣмъ измѣнилась, было очень многолюдно и шумно, въ рубкѣ большое общество, вѣроятно мѣстныхъ чиновниковъ, наслаждавшееся тѣмъ жалкимъ комфортомъ, который предоставлялся пассажирамъ перваго класса. Каюты были полны: ихъ занимали два приказчика, ѣхавшіе осматривать тѣмъ и услуживать въ Неворѣ, тѣснящій, развозившій свой участокъ и ставившій приставъ, ѣхавшій ѣхать дозвѣно въ одну изъ песторскихъ сезеней. Протяжныхъ или лучше сказать любезныхъ было очень много: они тѣснились и толкались на палубѣ неслыхательно и тому, что и отходъ парохода въ этой тѣнѣ составлялъ собище. Уже тогда, когда мы отчалили при довольно шумныхъ привѣтствіяхъ провожавшей насъ толпы.

Теперь составъ пассажировъ совсѣмъ не имѣлъ искатели счастья, остались въ Усть-Мзѣмѣ, совершающіе попутную палубу, за то было очень и очень живодевно въ первомъ классѣ; отсюда до насъ доносились все еще позгасы и пѣвье. Наше мирное одиночество было нарушено. Нѣкую на пароходѣ сѣли, мѣстный чиновникъ по престоляскимъ дѣламъ г. Матавтинъ и сельскій учитель, ѣхавшіе въ Усть-Кожеву принимать крестьянскую школу. — Мы теперь знакомы почти со всей песторской администраціей.

VIII

10 Августа. Поведѣнникъ, 8; утра. Мы совершенно усталие, и чѣмъ пароходъ сѣлъ на мель и его съѣла станция съ мѣста. Суматоха была страшная.

Синеватая съ свѣжимъ вѣтеркомъ погода манила скорѣе на мостикъ. Иванъ Ивановичъ, стоявшій у колеса, былъ угрюмъ; однако въ широко улыбнулся, привѣтствовалъ меня. Я съ надеждою, поиню грубую, вдыхать чистый воздухъ: выглядываясь въ даль, еще и дерзнутою синеватою чашкою. Поездѣ нѣсколькихъ минутъ молчали. Изъ насъ постепенно встаетъ въ роль моего ментора

по красотамъ и оригинальностямъ Печеры. Прежде всего онъ началъ жаловаться, что Печора съ каждымъ годомъ мѣтветъ. Видно онъ хотѣлъ оправдать наше вѣчное прижыченіе. Къ счастью мы вчера сѣли на песью и хотя наскочили на мѣть на полномъ ходу, но, идя противъ теченія, были скоро спущены съ мели кормомъ назадъ. По словамъ Ив. Ив. выходило, что мы побѣжали отъ опасности, благодаря тому, что наша пароходъ деревянный, следовательно легкий и обладаетъ такою малосильною машинною, съ которой, идя противъ теченія глѣбоко не врежешься въ песью „Пустыни“, а въ-иде Ив. Ив. „иде не вназь ила, гесочка двоимъ хвотки и сейчасъ соскочнузя, вотъ буди жетъвное дно, тутъ бы и встряли“.

Пришетъ и капитанъ. Онъ тоже чувствовалъ себя человекомъ, но имѣлъ сибирскость спросить насъ, хорошо ли мы провезли почту. По его разбѣоченному виду можно было заключить, что его пресѣдуетъ какая то мысль, которая не даетъ ему покоя.

Даль стоятъ чудный, ценного вѣтрено. Мы безмолвно любовались величественною рѣкою переливающейся на солнцѣ, дивнымъ обрамленнымъ правымъ берегомъ и безбрежнымъ лѣснымъ моремъ лѣваго берега, свѣтлѣющею далью, равстилающеюся спереди и сзади, прислушивавсь къ странному хлябанію пароходной машины, которая казалась совершенно разслабленною. Вдругъ, съ испуганнымъ и бѣднымъ видомъ, появился на трюмѣ капитанъ и торжественно свомандовалъ отдать якорь; но не успѣли матросы подойти къ цѣпи, какъ машина странно зазелетала и утихла. У капитана вырвался возгласъ отчаянія, зазвучавшійся въ словѣ „сло-мало“.

Мы стоимъ на якорѣ по срединѣ рѣки, и въ машинного помѣщенія слышится стукъ молота о надетальню. Потѣхуясь хорошею погодою мы идемъ на берегъ. Выходя изъ воды жерва остувилась и ушла въ ледяную воду Печору, на половину промѣкла. Наша пароходная обстановка такъ намъ подошла, что она предпочитаетъ проежикаться на солнцѣ, на берегу. Въ жѣстахъ, защищен-ныхъ отъ вѣтра, жарко.

дѣйствию и природы могуче, въ буквальный смыслъ, дремуче
лѣса, некрытыя е вѣтры трясина топань болотъ пещор-
ской долины сѣвнннхъ въ возмущенны бѣже и а днхъ тѣ ннмъ
в ку-таран, ннхъ позо-мъ, срехъ котораго рѣкѣ выдѣлнлось
русло рѣкы, шара, рукава, тѣрца озеръ и тѣрѣ пнковыя боло-
та. Могучнхъ по олу-бросан растн, езнность, гдѣ вѣтнльная тн-
шннхъ, хо-снмъ, снрой, удивнтельно чнстнхъ вѣдухъ. Селъ вѣнн-
ро-сѣдъ, како-нбо ар-мнхъ, которнхъ такъ свойственнхъ каж-
дому лнному тѣсу, бѣдѣ-сннхъ и замѣннтельна, прозрачнхъ
тн-сѣрнхъ все-тѣдѣ, вѣннхъ о обнхъ охлннн-тнхъ обр-мъ.
Какъ-то вѣ-рѣкѣ отнннхъ отъ ннннхъ полннхъ жнзнн и
пестрнхъ рнхъ обр-мъ лнннхъ тнхъ-лугамъ, перѣсѣка-
нхъ, полннхъ, рѣкѣ, сѣннхъ, цѣрнхъ, огородамъ — Болжской,
Охской, Дннннской и др. долины.

Жалнхъ е-лнхъ Нжмъ вннхъ мѣннхъ ннхъ созердательнаго на-
строѣннхъ. Жѣна тѣмъ вѣннхъ прѣснннхъ на сннннхъ, чн-
тнхъ нѣлнннхъ запнхъ Пнннннхъ плубъ, а нхъ перѣлѣннхъ
лнннхъ ннннхъ сннннхъ — дѣлѣннхъ Снннннхъ и юрнхъ еврей-
чнхъ ннхъ Архангелѣнхъ, которнхъ ходнхъ за ягодамъ. Съ нхъ по-
полнхъ мы перѣлѣннхъ на Нжмъ и прѣсннхъ ннхъ съ нннхъ,
нннннхъ которнхъ мы сѣлнхъ ннхъ обнхъ, вѣсннхъ пѣнннхъ
ннхъ (нннхъ съ сѣннхъ и сннхъ съ ннннхъ), нннннхъ
ннхъ съ нннхъ лннхъ Алауыкой, днннхъ ннхъ ннхъ съ ннхъ стра-
хъ за ннннхъ ннхъ нннхъ нннхъ

Въ тѣмъ тѣмъ, мы нннннхъ, тѣмъ ннннхъ,
нннхъ нннхъ нннннхъ нннхъ — на снннхъ охнхъ
руленнхъ. Уже вѣдѣтнхъ ннхъ нннхъ ннхъ нннхъ нннхъ
сннннхъ ннхъ за ннннхъ ннннхъ нннхъ нннхъ нннхъ
нннхъ нннхъ нннхъ нннхъ, у которнхъ мы сѣлнхъ. Прѣлѣннхъ
сннннхъ нннхъ — нннхъ, сннхъ нннхъ нннхъ нннхъ, гдѣ нннхъ
обр-мъ ннннхъ нннхъ, нннхъ нннхъ нннхъ нннхъ нннхъ
нннхъ нннхъ нннхъ нннхъ нннхъ нннхъ нннхъ, нннхъ
нннхъ нннхъ нннхъ нннхъ нннхъ нннхъ нннхъ, нннхъ
нннхъ, нннхъ нннхъ нннхъ. Нннхъ нннхъ нннхъ нннхъ нннхъ
нннхъ нннхъ нннхъ нннхъ нннхъ нннхъ нннхъ нннхъ

повышается большая колокольня въ видѣ башни, уличная высокая шпигель, изъ за котор-й едва выглядываетъ бѣлая каменная церковь. Часть села спустилась по неглубокому долу и потому снега вѣтра на утѣрь, въскомято и беломъ, составляющихъ, вѣроятно, тисеюкъ, приоткрылись на уступѣ второй террасы. На лѣвомъ противоположномъ берегу по прежнему безъ толпы тѣса вдуго отъ русла рѣки по непроходимому и непроходимому склону лѣсороской долины и постепенно взбирался на материкъ террасы въ синевѣ горизонта.

Въ верстахъ трехъ выше Качкара мы заглянули вѣрно и снова поднялись къ правому лѣвому выходящему и крутому материкову съ массою громаднѣхъ осыпей, спускающихся сверху, съ многими мелкими обвалами сърой-бурей-глыбы, по верхнимъ лѣскамъ которыхъ произрастаютъ оползни. Бичевникъ буквально загроможденъ валунами самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и формъ. Скоро этотъ склонъ понизился тремя террасами къ лѣвой долины рѣки Чутокъ и пропустивъ ее, опять постепенно поднялся, не достигая впрочемъ прежней высоты. Здѣсь вдоль вертикальной стѣны изъ бурей-глины расположились въ видѣ террасы громадныя осыпи протавившейся версты 1½, покрытыя соломой, лѣсами, полами мать-мачихи. Тѣса мѣстами лѣсоросками, загромождены въ большыя кучи и перемѣшаны съ слоями глины, торфа, дерна и разнообразными валунами — все это даетъ неприглядную, но грандиозную картину разрушенія. Въ д. Кирилловой-Севастьяновъ этотъ материкъ постепенно понижается осыпями маскируется бѣлою саженою лѣсками и вустарившимся покровомъ, который у самой деревни сменяется пашнями. Это небольшое дѣльное селеніе прежде было расположено на противоположныхъ лѣсахъ правому берегу но въ виду надвигающагося перенесено на правый берегъ, на второй террасѣ до того что теперь и стоитъ. Прѣхивъ Севастьяновъ мы поехали въ лѣсную чащу оба берега возмѣшивъ, за покрывающими ихъ громадными лѣсами не видя склоновъ и террасъ долины, которая очевидно здѣсь очень широка.

[illegible]

На дельтовом пространстве проткнулся этот дикий и сумрачный материкъ, все болѣе и болѣе поднимавшійся вверхъ по рѣкѣ, увыгачи тѣмъ вверхъ, какъ правильныхъ частотомъ, разномъ во сстрелныхъ обнаженій желтого песку различающихъ глубине овраги затѣе тѣсною чашею. Не долго намъ пришлось углубляться въ чтение этой незнакомой страны изъ историческаго края. Скоро обрывы сдѣлались грандиозными откосами, покрытыми тѣмъ и бутовникомъ, а еще выше мы, оглябалъ „Дюпоники“ — два большихъ террасовыхъ острова на Петербургѣ — оставили материкъ по лѣвую сторону и тѣмъ издали чѣмъ болѣе его возвышеній мягкихъ контуровъ, уединяемыхъ чашею тѣсомъ и спокойно выдѣлялись на горизонтѣ. Версты 3—4 мы шли среди низменныхъ сстреловъ, покрытыхъ высокою густою травою и строились къ сѣверу въ молодыхъ низкихъ тѣсахъ, наконецъ сползли дойти къ и качутъ мы нами материкъ, здѣсь онъ образуетъ въ извѣстномъ дикомъ изъ, съ естественными, въ трехъ, расамъ, двумя верхними съ низкими и мягкими уступами, и третьей самой молодой круто обрывающейся и рѣкѣ. Тѣмъ замечательнѣе материкъ. Гора „Чирокъ“ до 40 саж. высотой, дикой, мрачной, скрытый подъ густою чашею тѣсомъ, изъ которой онъ возвышается своими желтыми песчаными обрывами, въ видѣ выдѣляющихся изъ воздушныхъ горизонтовъ.

Настаи емере, бѣзъ и хъдъ въ дѣхъ себѣ чуетъ оуаи,
и между тѣхъ сѣбѣ ииже цѣлѣиже кону, и таути въ себѣ.

Объясняющих ходы картонных прирды соффы

по думали пассажиры первого класса горячо играющие въ карты и проспавъ всю ночь. Наша „Нама“, вообще нерасположенная къ починнымъ путешествиямъ, на этотъ разъ хотя и не спавшая, но нѣсколько разъ дѣлала продолжительныя остановки.

IX.

11 Августа. Утро пасмурное туманъ, сырость и холодъ насильноъ прерываютъ. Идемъ въ 20 верстахъ выше „Цесъ и Юрскаго“, вдоль тѣснаго высокаго берега; по дну рѣки насажены столбами съ покрашенными деревьями и обданы бурою глины съ громадными валунами. Обогнувъ выступъ зеленого съ сѣмлою травною дугою опять прижаиваемъ къ высотамъ тѣснаго берега, на этотъ разъ онѣ обрывисты, почти вертикальны — сѣрая тяжелая глина съ выступающими къ видѣ плитъ валунами красноватого песчаника дѣлаетъ общій видъ крайне печальнымъ, толстый грязный бичевникъ, усѣянный валунами, съ грязевыми оплывшими сѣрой глина, доводятъ эту картину запустѣния, которую не срашаваютъ и пятна мачехи, скрывающа въ боуѣ толкѣ мѣста. Къ счастью этотъ унылый склонъ скоро ушетъ въ даль материка и по сѣмну ему сѣмъ (правый берегъ) приближается широкая долина съ тремя террасами, съ обильно сѣмлящими другъ друга пологими песку, намыла, лугомъ, а даѣе стройными молодыми лисамъ ивняницами и березы. Нѣкоторое время идемъ среди члди тѣсовъ и вдыхаемъ ихъ весьма слабый ароматъ.

За лугами и тѣсами, по лѣвую руку видимъ высокій илннстый материкъ — вѣдь находится устье р. Уесы, впадающей въ Печору у с. Усть-Уесы. Изъ русла намъ виднаго старика лощина илннная струя уеской воды отклнляетъ печорскую прозрачную воду илвно и даѣе нѣкоторое время, не сѣмляясь съ ней, течетъ вдоль праваго берега, скрывая отъ насъ островия.

Обогнувши островъ, мы приближаемся у Цомикъ-Божъ къ правому уесовому салову, покрытому жалкими тѣсомъ.

Увидать съ версту выше сета замѣчательное по своей грандиозности обнаженіе, и спросить капитана остановиться. Впрочемъ мое желаніе создало и съ необходимостью для пріѣзда сойти на берегъ для какого то дознанія.

Мягкій, какъ тѣфъкъ, толкнъ бичевникъ усилить показаніями въ разнообразіи валунами краснаго песчаника съ углестыми отпечатками, голубоватыхъ кремнистыхъ известняковъ и крѣпкихъ каменисто-угольныхъ породами и др. окаменѣlostями, желтыхъ кремнистыхъ сланцевъ, кварцита, рѣже массивныхъ породъ — сиенита и др.

Переступая съ камня на камень, боясь упасть, я кое какъ перешагивалъ черезъ ороженъ, очутивши передъ глазами видѣнныя обнаженія, на которыхъ, начиная сверху, можно было видѣть.

1) Гравій и громадные валуны — 1 с.

2) Желтые диагонально слоистые пески, иногда лессовидные, съ прослойками темной валуновой глинны — до 5 саж.

3) Рыхлый, генистый, несометный валунистый суглинокъ, съ столбчатой отдаленностью, съ частотой самыхъ разнообразныхъ по составу и величинѣ валуновъ. Изъ которыхъ многие съ ледниковой полировкой и шрамами — 8 саж.

4) Пески диагонально слоистые, желтые — 3 саж.

5) Твердая сланцеватая валунистая глина — 6 саж.

Мнѣ, какъ геологу, это бнженіе генизито о ель много. Оно одѣтъ перенесено меня въ недавнее прошлое лѣтисекаго края, когда съ вѣстѣ Уральскато хрѣста существовали мощные ледниковые покровы, оттаивавшіе столь грандиозныя морзны (сѣи 3 и 5) изъ прилегающихъ мѣи съ Урала горныхъ крѣпкѣ. Эти мощные ледяные покровы арменами таяли и тогда образовывались многоводныя реки и озера, заглѣвъ все опять сдѣлалось въ ледяномъ покровѣ, и я въ сдѣлалъ послѣдній о блнгодадіи пастушескою периода съ болѣе мягкимъ климатомъ, страдала же и крѣпкѣ озерами, рѣками, непокрѣдственными сдѣлалъи котрыхъ сдѣлать тѣперенннн в дѣлѣ система Пестрѣваго края.

Пройдя 3 — 4 версты нѣмѣи мѣи берегами мѣи подолѣи къ высотамъ Смольнаго материка, все тотъ же вѣлчнотѣи материкъ лѣсной и дрѣи, асстрѣи мѣстами желтыми обнаженіями бес-

ку и окаймленный снизу почти сплошной вертикальной стѣной темныхъ глинъ, перерѣзываемый оврагами вверхъ, а внизу поднираемый безформенными оползлями, которые, все увеличиваясь, сдѣлались по теченію, дѣлаютъ берегъ пологимъ.

За то, на противоположномъ лѣвомъ берегу открылся у д. Усть-Лыжи совершенно оголенный отъ растительности, дикій, урючій яриный, высокий полуцаркъ. На продолженіи лѣваго берега, въ видѣ и окружѣ тянется это высокое обнаженное сѣрый глина и песку разсѣченное узкими и глубокими оврагами и ущельями, уходившими во внутрь материка и здѣсь развѣтвляющимися. Голые сѣрыя обрывистыя скалы, съ безпрестанно осматриваемыми съ лѣва песку и глинъ съ наивысшими камнями, сложенными тучными глыбами, съ толстыми и гнзными толстами отъ вѣду, просачивающейся изъ льда, сплѣтъ горизонтовъ, тонкая непроходимая болота внизу на бичевниѣ, на дѣль овраговъ, даже на склонахъ, благодаря просачивающейся водѣ изъ мѣстоистенныхъ водоносныхъ прослоевъ, а болотистая непроходимая тундра наверху еще больше дѣлаютъ непригодными этотъ пустынный дикій видъ. Шагу нельзя сдѣлать, чтобы не увлечь въ глину и сотрещеніемъ почвы не вызвать оползень, олозней, обваловъ и паденій глыбъ глинъ и камней. Въ узкихъ ущельяхъ и оврагахъ мѣстами видны грязныя пятна не раставившаго и обледенѣлаго сѣла.

Обнаженные склоны построены крайне однообразно, а именно:

1) подъ тундровыми торфовыми покровомъ лежатъ дѣловыя слоистыя пески мощностью до 5 саж., подъ ними 2) бурый глинъ съ разнородными вѣдуками и щебнемъ то сгущающагося и въ мѣсто до 1—12 саж. то уменьшающагося въ толщину до 4 саж., затѣмъ идутъ опять 3) дѣловыя слоистыя пески съ прослоями песчаной глинъ, мѣстами сгущенные мѣстами возмѣсто изомѣняющагося до 1. — 16 саж., и наконецъ внизу разнородный слой темной глинъ до 10 саж.

На разстояніи версты 2—3 отъ Усть-Лыжи, этотъ негостеприимный царкъ тожры дѣлается ровнымъ и понижается тремя террасами до низу небольшой рѣчки Лыжи. Деревня Усть-Лыжа грядется на болѣе высокой четвертой террасѣ на мысу, у котораго кончается описанный выше полуцаркъ. Жизнь наивн и прекрасна

зуга распознать эту мрачную местность. Выше Усть-Зыжи берега низменные, луговые и лесистые, а далее за ними видны высоты древних склоновъ.

Наступилъ хозодный вечеръ и началъ накрапывать дождь

Х.

12 Августа — Погода провела очень беззастыдливу. „Памма“ о ней много разъ садилась на мель и беззастыдно караулила людей о гребель и камни. Тотъ же, трескъ при наваливании парохда на камни суматоха команды, туманъ, туманъ, суета пароходной прислуги и страшный гамъ, поднимаемый чаше жерями, — все это не давало сомкнуть глазъ. Два разъ я вскакивалъ и выбѣгалъ изъ каюты, думая, что пароходъ протонулъ и случилась катастрофа, но всегда получалъ утѣшительный отвѣтъ, что немного задралъ о камни, два разъ по долгу стоялъ на мѣсть, когда матросы, то срочилъ холодной водѣ, то въ лодкахъ, отыскивали форватеръ, по которому можно было бы идти дальше. Все время или тихимъ ходомъ, безпрестанно давая задний ходъ и мѣшая на травахъ; достаточно сказать, что достигли с. ровъ вереть и в 12 часовъ, на лодкѣ въ 8 часовъ утра достигли вѣчнаго пункта Усть-Кожеры.

Погода — пасмурная, холодная, туманъ и сырость допизывалась насказомъ. Съ голубою болѣю и съ всѣмъ развитымъ отъ безснотливой ночи, я вышелъ на берегъ. Прелесть мною солюстятъ туманъ, террасы, которыя даже и въ рѣкъ не переходятъ во вторую и первую и въ эти террасы, на которыхъ раскинуто село Усть-Кожеры, окаймлены лѣсами и лѣсами. На песчаномъ склѣ въ второй террасѣ стоитъ очень скромная деревянная церковь. Всѣ пассажиры первого класса ушли въ село открывать вновь построенную школу. И было въ такія удручающія состоянія, что даже не помню за ними и теперь съ жадностью, что близко по поманомилась со скамьями дѣломъ въ этомъ краѣ — Увы! бродить и въ тонкому бѣлеснѣ, когда на встрѣчу попалась мѣль даукозѣ-

на, съ трудомъ передвигавшаяся по болотистому грунту, азъ ней
и ни двѣ женщины, въ крестьянскихъ платьяхъ, съ двумя дѣвочка-
ми, говорившими по-зырянски, а за ними потѣлъ шель сыядет-
викъ въѣтъ 40, смуглый, съ сырянскими чертами лица. Увида мо-
ил, самъ издоровался, и зная, что я проѣхалъ и въ усть Архан-
гельскъ, просить меня присмотрѣть за его маньяк и дочерью
10 лѣтъ, Сашей, которая одна отправилась въ Архангельскъ ду-
ховною уличнице. Овъ схватилъ руку мою приближающагося въ па-
роходу встрѣченнаго мною женщины и сообщилъ, что Саша
по дѣвочекъ и есть Саша.

Въ Усть-Кожевѣ намъ нечего дѣлать въ 1 дѣнь изъ отправи-
лись въ обратный путь. Изъ новыхъ пассажировъ въскотило ма-
ранъ и Саша. Прѣстание Саша съ родителями само молчаливо,
дѣвочку благословилъ и хлѣбомъ и водою руку. На паровой пѣк-
постей, ии пѣвъ не было ни съ той ни съ другой стороны. Саша,
маленькая худенькая дѣвочка съ сырянскими чертами лица, смот-
реть наъ и дѣла, но остро въ зѣвуче дѣвая, на мой вопросъ
совѣтъ не отвѣчаетъ. Однако жевъ удается добиться отъ нея
нѣсколько ои суженныхъ оговѣтовъ. Но на пароводѣ она совер-
ленно самостоятельна, совѣтъ не чувствуетъ себя потерянной,
какъ будто она отъдѣлилась въ часовую прогулку. - На парово-
дѣ тѣмъ же пассажиры уставили на ночь и поспѣвали село,
святъ.

Мы идемъ въ обратный путь по узкому руслу Печоры, окайм-
ленному тучными тѣрами, за которыми виднѣтся зѣлѣный
тѣсноты материка. У Саша на лѣвомъ берегу показались высо-
лы некаяя терраса въ обрѣзахъ, которая дѣже переходитъ въ
отенъ высокѣй. Лиетъ еиичный материкъ, послѣдѣ дѣже у „Го-
ла о ручья“ и въ Голоручевскѣ. Печорѣ и эти высоты ух-
дѣтъ дѣже и въ идеъ въ центрѣ Печорской дѣлѣ, окаймлю-
ной съ обѣихъ сторонъ — рѣчными сваями тучными, а го-
тѣмъ дѣлѣмъ прострѣностями — сѣмъ маи гонѣтъ въ ма сѣрѣку.
Внаонецъ ветромъ добѣлѣтъ до зѣкомѣй уже нѣтъ Усть-Лѣжѣ.
Тенеръ ма — олаи отъ зѣмѣтъ многѣ — олаи русло Печоры, идемъ
возвымъ ходомъ и спокойно.

Повднимъ вечеромъ останавливались братья дрова, сложенные на тугу, у котораго стояла баржа пашего пароходовладѣльца. Близъ станицы прощивавоуде хотодво и соро Горѣть костерь и около него грѣлись закутанные въ малица мужики и бабы. Около нихъ переро талца, бѣгала, ложилась и вилъь вскикала мол-дла со-бака съ ост-ой морд-й, съ ушами вверхъ и длинною шерстью. Это типичная сѣверная лайка — удивительная сѣверная порода съ б-въ сангвиническаго темперамента. На боч-ѣ сидѣтъ, изсунув-шись, громадный филинъ съ пролибленными крыльями. Заиграва-юще съ нимъ с-бжу оръ б-чно хватать кн-омъ и та жестоко гоняла, и потомъ скоро забивала обиду и олитъ правилалась за-игрывать до новаго шепка. С-бжу и фивина влял на пароходъ. Здѣсь въ пашъ присоединились сестры каничина — старикла тѣтъ 18, и кнотидина блондинка, спокойная и тихая, съ задумчивыми глазами, и маленькая Мила, — дѣвочка лѣтъ 10, тепло подсака, мустрала, съ острыхъ взглядохъ, все время съетивалась и желал-панная съ быстротою молнии поручения брата; обѣ ур-женки села Мохты расположеннаго на Нжмѣ

XI.

13 Августа Ночью останавливались въ Усть-Уссѣ и выса-дили чиноз-иковъ. Утро пасмурное, хотя есть надежда, что выгля-нетъ солнце. Мила и Саша на мостикѣ пѣсечутъ и по-зыряски, карячить ашча сарахъ масомъ и игриють съ собакою. Саша, охал-хетса, плохо гов-рять и панимааетъ по-русски, за то совер-ленно свободно панимааетъ по-зыряски. Обѣ дѣвочки, играя съ саракескими дѣтьми, усвоили лучше ихъ языкъ, нежели свой род-ной. На пар-ходѣ ст-ю ибѣ только теловкъ зырякъ, а т-рые про-ивдять сильное впечатлѣние своимъ видомъ и костюмомъ: пы-согого роста, худощавые, черн-волосые, съ с-средточенными и мрачными выражениями, одѣты въ мѣховыя вуртля шерстью ввер-ху, подпоясаны поясомъ, на кот-ромъ висеть въ кожанной обра-вѣ съ вѣд-ю рукою бѣлая ножъ, на готовѣ мѣховая палка,

заго сѣвера, плавно проносясь она мимо нашего парохода, который на этотъ разъ возмѣнился по поводу преступленія, суживаемаго предметъ въ разсѣлахъ, произведеннаго приставомъ Преступленіе неслучайное — успѣвъ украсть у своего сосѣда 270 руб. и остать безразличнымъ Воръ разбогатѣлъ, а и третій пилъ въ пиджакъ. Жена потерѣла, вѣждаль, когда воръ попался пѣннымъ, бросилась на него и раскрѣла ему тѣлоремъ черепъ. Преступнику арестованъ и преданъ суду, благодаря этому семья совсѣмъ разоралась, потому что лишиться хлѣба. Начинаясь, нехоти изъ той посылки, что баба своимъ умомъ на такое дѣло не рѣшилась бы, считая пугать преступника, а ее одати на торжки, чтобы не оставить дѣтей безъ матери „потому что мужъ стѣбается на дѣлу передъ Богомъ и людьми“.

Капитанъ, унизавши мѣ на паузы зырыть, не безъ гордости сообщать, что завтра встрѣтятся ихъ караваи. Уже наступило время перемѣняться вверху къ Ямѣ, куда они дѣлались прибыть въ срединѣ Сентября, а и томъ капитанъ мечталъ провести зиму на Ижмѣ. Капитанъ съ восторгомъ рассказывалъ мнѣ, какъ весело прожить они время въ Ижмѣ. Однако три года тому назадъ ему было не до веселья — думать, что помретъ, а все произошло только оттого, что сосѣдь коштуить. Тутъ книга въ разсказъ мнѣ стѣтъ къ: „Нѣ Покрова стали мы каравапомъ въ Куръ. Говорить я тамъ съ сѣда, а онъ и говорить мнѣ, плакать тебѣ сѣдѣла по мѣлнать, скорѣе вернуться въ Ижму. Никогда мнѣ дѣлалась ничего такого не показывали; знаютъ они сама, что дѣлать само — уйти въ Ижму понастѣ. кѣтъ. Ну думай себѣ, если ужъ показывать, значить есть дѣло, надо сѣти. Сначала перестъ со мнѣ лодкою начался переходъ гнѣнскъ и лѣтъ сѣтъ, того и сѣтѣ, встрѣтъ льдомъ, бросать лѣтъ и сѣтъ въ вѣтъ трѣлами. Прѣжатыхъ и вѣ бѣтъ дѣтъ трѣлъ. Дѣло дѣтъ, вѣтъ вѣтъ трѣлъ — сѣтъ по четыре по мѣти. Приходится сѣтъ, дѣтъ одному и почитать сѣду по мѣлнать вѣтъ въ мѣту, зримо на морозѣ. Огородилась хворостомъ стѣ зѣра, окладилась сѣлгомъ, что-

бы там же было, разложивши костеръ, поставили чайникъ, грѣяли чайъ и сухарями. Утромъ прснулся весь застывшій, опять потрѣбався чайъ да и въ путь. За ночь немного поотдохнелъ, такъ силъ а, чтобы сидѣться бѣжать, а потѣхъ въ вечеру оле ноги потѣхъ. Много разъ блуждать я и одинъ и съ провожатымъ; тоже съ тропы сбивался, закорячить съ сѣномъ, вѣхъ тутъ ушачи охотничья или закринная тропы. Стасали меня только охотники либушки. А разъ такъ сосѣмъ чуть не померъ, вапалутался я, сухари выхили, даго нехалъ я пѣбаву, сосѣмъ отъ холоду и голоду ослабѣть, съ тропы сбился, только похъ вечеру похалъ на тропу, а тамъ и на стогъ съва въ тѣху, обрадовался я, и пачить блинъ даго. Уже въ дѣлѣ, да и отъ голоду сосѣмъ ослабѣть. Хотѣлъ и зарыться въ стогъ, вдругъ оцумалъ сумку, а въ ней корѣчки отъ паневы — слани паневы мыли съва, обрадовался и стѣй паходѣй помотался за того, кто эту сумку въбыть, а какъ ни противно было мыльные объмы да дѣдать, в все же съ бѣлыми панетитомъ подерѣнѣть себя ими, пока въ вечеру, на другой день, не дошелъ наконецъ до деревни. Тамъ шелъ я цѣлый мѣсяцъ, ноги опухли, пальцы отъ рѣзалъ, вѣжа съ льда съва. Пришелъ въ Илму въ началѣ Ноября и пролежать до весны. Една отопелъ. Да вѣдь вотъ что обидно, есибы тогда нужно было, а такъ зря сосѣтъ сѣвалъ. Паневка только уже счесть меня жалѣли. Ну а теперь я съ всѣмъ поиравался.

XII

14 Августа. — За туманомъ и темнотой оставался на чевку у Илме-Божкаго. Утромъ погода насмурвал, по временамъ по рукается въ туманъ, прѣдвѣдѣлъ къ насморку сырости, временами съва обѣва старался вымануть солнце. Пароходъ рѣзалъ еде съ дѣлѣ грязный видъ на валубѣ развѣтавы чети тулѣ коровы уситѣй сегодня утромъ въ Щель Боржани, прибавитѣй пѣбѣлько бочекъ съ рыбой и тѣхъ шкуръ и мѣха.

не бродили по льду въ тедевшей водѣ Печоры, иногда они сполыкались, падали, менѣе пьяные товарищи имъ помогали подняться. Эта безобразная сцена продолжалась до третьяго свѣтла, когда приказано было отбѣжающимъ садиться на пароходъ. Необразимый восторг и восторг поднялись при отходѣ на суда. Тамъ Усть-Цалема проложили партіи запасныхъ солдатъ и ратниковъ, въ первый разъ отправлявшихся въ Архангельскъ на учебные сборы, или какъ говорили крестыице «на повторные», кот р в должно было продолжаться около мѣсяца. Для этихъ сборовъ Усть-Цалема въпридилось или вѣкъ въ идти по непроходимой дорогѣ почти 1000 вер., или пройти востокъ 2000 вер., имъ предстояло пережить только въ Октябрѣ тѣмъ же и в излодахъ во время самого бездорожья. Однако я не слышать даже прихода недовольства. Въ будне созывае дома у галикъ съвершалъ развѣсто очень влече. Истра вилъ очень благоволенъ за судьбу второй партіи. Но Печорѣ, пользуясь своею властью, она не могла провезти на пароходѣ эту партію, иначе стоило дѣло съ морскими путями, здѣсь она не имѣла никакой силы. Поэтому она сама вѣхалъ въ Кую устроить провозъ на морскихъ пароходѣ тѣмъ именно, которые не имѣли на то средствъ.

Теперь нашъ пароходъ совершилъ перемѣну и пассажирами и кладью. Партія запасныхъ солдатъ все львиная. У нихъ отбирають в дѣлу, буйныхъ уи дѣтъ въ арестантскую. Опасаются, чтобы пьяные не попадали въ воду или въ каютахъ. Конечно было бы лучше не брать ихъ на пароходъ, но здѣсь приказатели считались съ мѣстными условіями. Это самая неприятная страна нашего путешествія.

На приставѣ собрались избранные пассажиры — истра вилъ съ супругою и тремя дочерьми, и въ кот рыхъ дѣтъ во вращающемся Архангельскѣ съ казначей, акцизнымъ чиновникомъ, свидѣльскъ, селская учительница, кот р возмращавалась съ Печоры, гдѣ она гостила утомъ, знающіе насъ, до в рѣзные теоретической фирмы, кот рые дружно пообѣдали со вѣдами въ Усть-Цалемѣ; нѣсколько жуидовъ промышленниковъ и старушка съ внукомъ, не вѣная дѣла на Печорѣ. Печорѣ, какъ намъ продолжаютъ подбо-

ить ратниковъ, конечно плавая въ съ шлюпками проволочками. Просто жутко стало въ то время, когда, какъ на этой и тучей рѣкѣ сходили къ намъ алтайскіе уральскіе лодки, то бортъ въ и грузовой въ иду, такъ толкала шлюпки и родомъ К. въ то время каждую секунду можно было перевернуться и опрокинуть въ глубину воды пассажировъ. Какъ удавалось намъ прижимать чужую, высадившись по крутой отмели и подѣлать парходными колесами съ ними, килиныхъ товарищей и алтайскіе быстро отчаливать — для меня осталось непонятнымъ. И тогда, при прощаньи, жены готовили, посылки на твои мужей, такъ что самое приходится разлучить прощавшихся съ друзьями. Столь же соборное прощанье же общественно и жизнь въ этой пустыни къ вечеру прекратилась и сжигалась другимъ бытиемъ въ томъ же времени. На фоне всеобщей дѣловой жизни, среди шума, по снежной поверхности морской струи. Небольшое вѣявшее по морю шло въ строю переноса судна, съ черными дымящимися парходами въпереза, между ними табунами за собою четыре катюхи, пять пачекъ и множество лодочекъ, расположенныхъ другъ за другомъ, соответствующимъ ихъ величью. Этого каравана принадлежалъ Чернышъ. Чернышъ закармливалъ параваномъ и съ промысла въ подымался вверхъ, забиралъ по дороге приготавливаемый для нихъ товаръ, такимъ образомъ проливался караванъ приближался къ нему. Эта караванская лодка действительно была маля и тецъ, уходящихъ съ сѣвера. Уже съ роже черная проруда, гротъ въ гостей, остается одна въ прощавательную темную ночь, аловина, холодомъ, и рокомъ и льдомъ.

За караванъ караванъ ковался другой, такой же величественный и характера, принадлежавший кучку Суслову.

Мы привѣтствовали другъ друга парходными свистками, подытиемъ флаговъ и дружескими дружескими и дами. Параванецъ уже тогда вѣсомъ въ два и третью веревки судна — къ началу нашего пархода въ Норильскъ. Мы такъ слышали съ нашими парходами, что встрѣтили этотъ караванъ, какъ нечто тамъ близкое. Параванъ въ парходъ сталъ якорь, мы въ нему пристали и тоже отдели якорь. Начались взаимные и сѣденія и обмѣны впечатлѣній, который продолжился около часу.

Семья исправника оказалась музыкальной. Она составила стройный хоръ, къ которому присоединялось и несколько других пассажиров. Безподный исторекъ плескъ всколыхнул ожить, но въ минуту усталость задохнула свои пассажиры загнули крякнми удрыми своимъ подъ мной тонкой стукъ малыши и вознесъ

За нами мы успели пройти Митинский материкъ, Одуновский мысъ, Шурвалеву, Рославлю, Харитску, Климовку, Гаврилого, Хорриво, Ахмидо, Марию, Удачку и Щучью, какъ разъ ту тѣсноту, которую мы и въ грозный разъ протхали чью. Идемъ такъ быстро, благодаря течению. И чери

XIII.

13 Августа Утромъ идемъ между Леду-е и Тонинскимъ, въ тѣсноту Крмий Хлостъ Береза гизменныя, окаймленные салуными песками, которые смѣлись лонами, а потомъ песчаную высокую террасу; даѣе, противъ Тонинскаго идетъ тѣсноты материкъ. Погода жавал, бодрный утренний ходъ. Мы идемъ по шпороводному руслу лоннымъ х. домъ. Вдругъ на встрѣчу намъ мочное облако, которое насъ окружило такъ, что въ двухъ минутахъ ничего не видно. Прѣзжая отдалъ яворъ. Мы стоимъ и идемъ юва мавуетъ насъ мозавый туманъ. Черезъ часъ насъ оставила туманная лонса. такъ что могли трогаться въ путь.

Намъ такъ — вса часть лубина. На лону такъ сонны мухи бродить раны. На транъ идетъ разговоръ о сдѣланомъ лѣтѣ въ немъ. Усть Целюми, о раскисдезетъ правель, о дадахъ погребавшихъ и вычавшихъ бачлахъ, о преступкахъ кабатчиковъ по продажѣ сала, о сносбахъ цинна и сбата сжѣданъ в. д.и. при лѣтѣ лубина и о снаваннахъ, въ чемъ отчестъ удрекли даже отъ го выдрекла, чезѣлка очень тонкого, повидимому прѣстѣлаго олопъ и лоду, который изъ раскисчивыхъ лубетини сдѣлался сначѣмъ едла тѣрчестныхъ сличеннми, а потомъ въ лѣтѣ лубина, то лубина, то лубина ужасныхъ сибирской

лавъ, свирѣлствовавшей въ тундрѣ, промышленники совѣщались о цѣнахъ на рыбу и пушнину. Капитанъ показывалъ намъ двѣ песчаныхъ шкурки, которыя онъ предлагалъ купить у него за 15 руб. пару, но жена пазла, что онѣ не подходятъ другъ въ другу по цѣнѣ и не купилъ ихъ. Петръ Андреевичъ (прикащикъ лѣсной фирмы), довольный своею поѣздкой на Печору, находилъ, что славъ лѣса по ней также удобенъ, какъ и по Доинѣ. Онъ намѣтилъ уже мѣсто, гдѣ можно собирать плоты, (сложивать лѣсъ), а теперь заняты отысканіемъ въ низовьяхъ Печоры удобнаго затона, куда можно было бы поставить плоты, въ ожиданіи морского парохода. О качествѣ лѣса онъ не могъ получить надлежащихъ свѣдѣній отъ мѣстнаго лѣсничаго и надѣялся получить ихъ отъ анатона Печорскаго края, тоже лѣсничаго, живущаго на Вычегдѣ (кажется по фамиліи Скаковский). Петръ Андр., занимающійся теперь сыровареніемъ, всматривался въ дѣвственные печорскіе луга и думаетъ, что скотоводство и молочное хозяйство здѣсь могутъ процвѣтать не хуже, чѣмъ въ Холмогорскомъ и Архангельскомъ уѣздахъ. Указывая на роскошные луга, состояще почти исключительно изъ сочныхъ злаковъ, не смотря на осеннюю пору никѣмъ не тронутые, на кустики, которые могутъ предохранить скотъ отъ ночнаго холода, и на поляны, окруженныя кустами, на которыхъ, по его мнѣнію, отлично можно ставить стога сѣна на зиму, онъ патетически восклицалъ: „не разумѣютъ скудоумные, благодати Божіей, ею же одарены“. Разговоръ пачиваетъ сосредоточиваться на предстоящей остановкѣ у Великопесочнаго, гдѣ проживаетъ богатый и гостепріимный промышленникъ, къ которому собираются всѣ наши классные пассажиры.

Завернувши въ небольшую шаль, мы отдали якорь у низменнаго праваго берега, изъ веретѣнъ отъ сала — На берегу стоялъ чумъ, покрытый серестою, и вверху дымился; около него стояла крытая лодка, съ мачтою и сложеными парусами, съ рыболовными принадлежностями и садками на крышѣ. При приближеніи къ чуму насъ встрѣтили дружнымъ лаемъ нѣсколько собакъ, изъ чума выбѣжали смуглый дѣти, за ними вышли пжемцы, одинъ лѣтъ 40, другой старшій подъ шестьдесятъ лѣтъ, а потомъ старуха и

жепица съ ребенкомъ на рукахъ. Мы съ любопытствомъ осматривали другъ друга. Я заглянулъ въ чумъ: на полу вдругъ чума лежали оленьи мѣха и мѣховыя подушки; противъ входа на столбахъ иконы въ позолоченныхъ ризахъ образовали большой иконо-стасъ; на полу по серединѣ теплился костеръ и надъ нимъ въ измѣнительномъ порядкѣ, на цѣпочкахъ, висѣли около пяти мѣдныхъ блестящихъ сверху и черныхъ снизу котелъ и котелковъ съ кочетковъ, чашъ, оленевой, кабаней и прочими кусачьями. Все производило впечатлѣние чистоты и достатка. Однако очень красивые лица обитателей скорѣе говорили о какомъ то несчастіи, постигшемъ эту семью. И действительно, изъ разспросовъ нашихъ промышленниковъ, хорошо знавшихъ эскимосскій языкъ, оказалось, что это сравнительно весьма важничная эскимосская семья. Изъ тундры отъ слободской явы у нихъ пали съ до одного оленя и при томъ сразу, стадо болѣе тысячи головъ въ одно утро оказалось все погибшимъ. И теряя все свое имущество, они едва сами выбрались изъ тундры, только благодаря тому, что были случайно въ вѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ рѣки. Они такъ были подавлены своимъ горемъ, что уже не плакали, а только старались передать болѣе подробно весь ходъ несчастія. Эта семья, съ такою покорностью судьбѣ пережившая свое разореніе, произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Я не пошелъ въ село, къ гостеприимному промышленнику, а остался на берегу, чтобы сфотографировать этотъ оригинальный чумъ и его несчастныхъ обитателей.

XIV.

16 — 20 Августа Сегодня ночью 16 Авг вернулся въ Куу. Утро ясное, настолько теплое, что въ шибкихъ палаткахъ можно гулять въ полдень на солнцѣ. Все утро на пароходѣ производилась чистка. Ко всѣмъ иконамъ, вѣсившимся на пароходѣ, поставлены восковые свѣчи или зажжены лампы. Въ рубкѣ столъ покрытъ бѣлою скатертью и на немъ поставлена большая

миска съ солью, въ которую поставлено нѣсколько большихъ и малыхъ восковыхъ свѣчей. Послѣ обѣдни, съ торжественнымъ колокольнымъ звономъ, изъ церкви въ Куѣ двинулся къ намъ, на парходѣ, крестный ходъ, съ крестомъ впереди, хоругви и иконами, съ двумя священниками — однимъ мѣстнымъ и другимъ прѣѣхавшимъ съ нами. Крестный ходъ сопровождали въ праздничномъ нарядѣ вся парходская команда и большинство пассажировъ „Плжм“; они же составляли и хоръ, между ними выделялись теноровые голоса Михаила Степановича и Ивана Ивановича и басъ Петра Андреевича. Въ рубкѣ первого класса было назначено молебствие. Священнику была подана лѣсть бумаги, на которыхъ рукою Мух Ст. были написаны имена всѣхъ пассажировъ для молитвы о ихъ здравіи. Намъ предложили купить свѣчи, которыя и были поставлены частью въ обширную миску съ солью, частью, въ неимѣніемъ тамъ мѣста, въ отдѣльные стаканы, тоже наполненные солью. Рубка отъ поставленныхъ иконъ превратилась въ иконостасъ, отдѣльно отъ другихъ стояла икона мученика Феодосія Черниговскаго, которую предстояло освятить. Началось молебствие Богородицѣ, престольный образъ которой былъ въ мѣстной церкви, Николаю Чудотворцу, покровителю моряковъ и Феодосію Черниговскому, мощи котораго недавно были открыты и икона его была прислана въ церковь. Молебствие съ водосвятіемъ, освященіемъ иконы и окропленіемъ святой водою помѣщений пархода продолжалось полтора часа. Всѣхъ объединяла глубокая и искренняя вѣра, которая дается только людямъ, близко стоящимъ къ природѣ сѣвера, вѣра соединенная съ чувствомъ благоговѣнія и умиленія предъ тѣмъ, что здѣсь совершалось съ точнымъ соблюденіемъ каноническихъ правилъ.

Всѣ молящіеся составили одинъ общій хоръ, а Петръ Андр. Ив. Иванъ и Мух. Степ. съ чувствомъ и достоинствомъ читали апостоловъ и были центромъ хора, за которыми слѣдовали всѣ остальные. Общее молитвенное и даже торжественное, при всей убогости въ обстановкѣ, настроеніе охватывало и объединяло всѣхъ въ одно цѣлое, не смотря на все различіе въ составѣ молящихся. Полтора часа, проведенные за молебствіемъ, прошли незамѣтен-

ные, оставив самое глубокое и цѣльное впечатлѣніе искренняго и вѣдушнаго единенія въ общей молитвѣ. Въ особѣ тихомъ и какъ бы умиротворенномъ настроеніи сѣбя отъ простого и чистаго сердца люди за общую трапезу, классные пассажиры въ рубжѣ, а остальные на палубѣ. Такъ пароходство Поречинскихъ закончилось 5-мъ рейсомъ по Печорѣ.

Пробываніе въ Куѣ въ ожиданіи морского парохода не обѣщало ничего интереснаго. Куя съ ея размытыми кладбищами не представлялась занимательною. И пробовала рыться въ торфяномъ мерзломъ фундаментѣ Куя въ надеждѣ найти остатки дѣйствительнаго человека въ видѣ скелетовъ или характерныхъ орудій, но кромѣ оленьихъ костей, роговъ, а ничего не нашла. Въ окрестностяхъ, болота съ холодною водою и жалкою травою, тоже не могли служить предметомъ развлечения, тѣмъ не менѣе, мы каждый день гуляли и всякій разъ давали слово уже на слѣдующій день не повторять прогуловъ. Выхода въ полдень въ лѣтнемъ пальто, мы даже грѣлись на солнцѣ, но уже къ 3 — 4 часамъ, продрогши отъ холода и съ мокрыми ногами, возвращались въ каюту.

17 Августа утромъ мы ѣхали, по просьбѣ Петр. Андр., осматривать затонъ, куда можно было бы сплавлять сверху лѣсъ, предназначенный для нагрузки на морские пароходы.

Въ Кую начинаютъ сѣзжаться промышленники, привезшіе въ лодкахъ бочки съ окулами и семгой. Изъ плехъ выдѣляются братья Сумароковы изъ Оксина, Половъ изъ Пустозерска и Лудниковъ изъ Оксина. Всѣ они едутъ дѣла съ Колгуевымъ. Скоро прѣхалъ знакомый уже намъ Павловъ изъ Пустозерска, который намѣревался ѣхать съ нами на Вайгачъ, къ своимъ оленьимъ стадамъ и нѣкоторые другіе промышленники и представители пароходствъ Черныхъ и Суслова. Всѣ разговоры сводились къ замѣчательному, доселѣ неслыханному улову на Печорѣ семги и о цѣнахъ на нее въ Архангельскѣ.

Братья Сумароковы, не смотря на свои 60 лѣтъ, очень молодые брюнеты, съ прекрасно сохранившимися зубами и волосами, сильные, бодрые, дышать здоровьемъ, держать себя очень сте-

пенно, особенно Оксинскій старшина. Они одѣты въ новыя шведскія куртки, подбитыя мѣхомъ, въ высокіе сапогахъ и въ орляндавыхъ изъ чернаго вышива долгушахъ на головѣ. Оба выглядятъ красивыми и представительными въ своемъ спокойномъ сознаніи собственного достоинства, вліяніи, силы и ума. На Колгуевѣ они занимаются оленеводствомъ, а въ низовьяхъ Печоры рыболовствомъ.

Крестьяне Пустозерской и Оксинской волости пользуются правомъ рыбной ловли въ низовьяхъ Печоры и въ Болванской губѣ. Низовья Печоры раздѣлены на поплавы, въ каждомъ поплавѣ считается пять павъ, одинъ поплавъ приходится на 28 душъ. Въ Болванской губѣ существуютъ тони, въ тонѣ или шестахъ заключается 12 павъ и каждый павъ приходится на 12 душъ. Въ морѣ существуютъ тоже тони; морская тона содержитъ 12 павъ и каждый павъ приходится на 20 душъ. Сумарововы арендуютъ павъ и изъ нихъ составляютъ поплавы, шестаки, тони. За павъ въ среднемъ платятъ аренды по 40 руб. въ лѣто, на каждый павъ полагается по работнику, которому платится 35 руб. въ лѣто, если къ этому прибавить нарядъ (сѣти, лодки и пр.), харчи и одежду, то на каждый павъ они расходуютъ около 120 руб. въ лѣто.

Въ 4 часа вечера пароходъ для развлеченія пассажировъ отправился къ Вьюшину, въ 60 верстахъ отъ Куи, настрѣчу морскому пароходу, приходъ котораго ожидался 17—18 числа. Пароходъ „Шма“ жалко барахтался на многоводномъ пространствѣ Печорской дельты; Иванъ Ивановичъ, указавъ въ сторону Болванскаго носа, сообщилъ мнѣ, что въ 10 верстахъ выше этой мѣстности, находится Становая лахта, которая служила становищемъ для Сидорова, когда онъ въ 60 годахъ сдѣлалъ лиственницу въ Англію, вѣсь стоялъ и первый винтовой пароходъ, привезенный въ 1864 году на Печору тѣмъ же Сидоровымъ.

Въ 15 верстахъ ниже Куи, у острова Алексѣевского, на правой сторонѣ сталъ выдѣляться довольно высокій задернованный берегъ, перерѣзанный оврагами съ песчаными обнаженіями. За павъ сѣдовали увалы, которые увеличиваясь въ числѣ, возвышаясь и прижимаясь другъ къ другу, образуютъ ближе къ Бол-

вапскому носу холмистую гряду, из родъ кражи, разбитаго на отдѣльные закругленные холмы, обрывающіеся у моря Болва-скимъ носомъ. Это — окраина Больше-Земельской тундры.

Уже темнѣло. Я остался одинъ изъ носу парохода и всматривался въ эти унылыя контуры береговъ. Ко мнѣ подошелъ, раньше не замѣченный мною, одѣтый въ бѣдную малицу, самоѣдъ и вникъ меня за руку и сталъ съ большимъ волнениемъ и жаромъ что то рассказывать, доказывать и просить. Мнѣ трудно было что либо понять, ибо здѣсь скорѣе были жесты, возгласы, чѣмъ слова. Запасъ русскихъ словъ былъ у него очень не великъ. Онъ ползавалъ на Больше-Земельскую тундру, потомъ лѣвѣе на сѣверъ, говорилъ о Новой Землѣ и Вайгачѣ Видно, онъ сравнивалъ эти мѣстности и особенно останавливался на послѣднемъ изъ двухъ острововъ. Рассказывалъ объ оленяхъ на Вайгачѣ и о падежѣ оленей на Новой Землѣ. Въ этомъ мѣстѣ своего рассказа онъ не могъ сдержать своего волнения: со слезами въ голосѣ, погодя и жалувъ на кого то, торопливо и страшно жестикулируя, объяснялъ онъ мнѣ что то объ оленяхъ, подаренныхъ царемъ, о томъ, какъ они пзнемогали отъ холода и голода, какъ ихъ полуживыхъ загнали собаки въ бухту, какъ они погибли и какъ ихъ не стало на Новой Землѣ. Онъ видимо винилъ во всемъ самоѣдовъ, не досмотрѣвшихъ за оленями. Послѣ очень долгаго, крайне вернаго, а мѣстами и патетическаго разсказа, онъ обратился ко мнѣ съ какой то просьбой относительно оленей, которую кажется, нужно было передать губернатору.

Было уже поздно. Я не могъ достать переводчика, чтобы уяснить себѣ полный чувства лентъ самоѣда. На другой день я потерялъ его изъ вида. Мнѣ, однако, говорили, что это вѣроятно одинъ изъ новоземельскихъ коловистовъ, прежде очень богитый владѣлецъ оленьихъ стадъ въ Больше-Земельской тундрѣ, затѣмъ раззорившійся вследствие падежа оленей, съ горъ сомѣвъ свившійся, дошедшій до полной нищеты, закинувшійся ескимъ и теперь одиозный скиталецъ по дорогой смъ тундрѣ, гдѣ ему даютъ приютъ болѣе счастливые родичи.

Въ 10 ч. подошли къ Вьюшину. Промышленникъ Павловъ говоритъ, что здѣсь пастоящая тундра. Нароходъ остановился въ затонѣ у низменнаго берега, подойти къ которому нельзя было за мелководьемъ. На берегу зажда насъ, зажгли костры. Наша лодка пристала къ тонкому берегу, по болоту в кочкахъ мы переправились на болѣе сухое мѣсто. Кругомъ мохъ, трава и кусты. На лужайкѣ при свѣтѣ костра видимъ груды только что пойманной семги — громадныхъ рыбы съ раскрытыми ртами, удивленно глядя на насъ своими остановившимися глазами, красиво отражал свѣтъ костра на своей серебристой чешкѣ. За нами стоятъ бочки, а дальше лабиринтъ сѣтей и разныя рыболовные принадлежности. Изъ вившихъ землянокъ выглядываетъ ирачное население тони — мужики и бабы въ грязныхъ закомѣлыхъ малицахъ. Импривилегированными факелами изъ лучинъ освѣщаютъ они свою добычу, которую начинаютъ торговать пассажиры „Ижмы“. Я пробрался въ землянку, произведшую на меня впечатлѣніе берлоги, гдѣ на кучѣ мху и травы, нависевшихъ по сторонамъ, копошились живыя существа; а затѣмъ съвозъ кусты по кочкамъ я прошелъ въ открытой губѣ и собралъ на берегу, спускающемся небольшими террасами къ водѣ, нѣсколько валуновъ, въ обилии покрывавшихъ берегъ в дно губы. Когда я вернуся, торгъ уже былъ конченъ: по баснословно дешевой цѣнѣ уступили рыбаки свой уловъ — а именно по 5 руб. за пудъ, чтобы только имѣть наличныя деньги. Всего купили больше 60 пудовъ семги; груды рыбы теперь перенесены на пароходъ и заняли всю палубу. Бабушкинъ олуечъ съ горнатыми глазами распоряжался по нагрузкѣ и выгрузкѣ рыбы, брѣговаль экзенглеръ менѣе 10 ф. вѣсу и бережно складывалъ свою добычу на палубѣ. Завидя меня, онъ радостно воскликнулъ: „сонсѣмъ уже думалъ, что деньги назадъ везти придется, а теперь, какъ удавленнику везетъ вуниль 30 пудовъ семги и 15 пудовъ морожки. На рубль заработаю рубль“.

Братья Сумирожовы съ укоринною качали готовыми и никакого участія въ торговлѣ не принимали. На мой вопросъ, почему они не принимаютъ участія въ куплѣ, съ негодованіемъ отвѣтили: „вѣдь дѣло то воронское, това промышленника Дататина, ра-

ботники задаромъ продаля хозяйскую рыбу, деньги до хозяина и не дойдутъ*.

Не встрѣтивъ морского парохода, утромъ 18 Авг. вернулись въ Кую; вѣсь тоже рыбами привезли семгу и отдали по той же цѣнѣ 5 руб. за пудъ. Навезли и много морожки, которую уступали по 75 коп. за пудъ. На пароходъ и на берегъ кинуть жизнь — доставлены новыя бочки и боченки и въ нихъ укладываютъ семгу и морожку. Особенно хороши Сумароковы — въ пилѣ кричала цѣлая флотилия лодокъ, нагруженныхъ семгою и омулями. Заготовкой семги на итерскую руку занимаются сами хозяева. Сынъ Сумарокова, богатырь лѣтъ 19, съ едва пробившимися усами и бородою, въ строгіи новомъ севѣжѣ, подпоясанный мѣднымъ металлическимъ поясомъ, съ ножомъ въ кожаныхъ ножнахъ и на мѣдной цѣпочкѣ, какъ перышко подымаетъ выотрошенную полнудоную и пуховую семгу, ловко и въ одинъ мигъ крѣпко вытираетъ ее солью, засовываетъ ее горстями въ распоротый въ двухъ мѣстахъ, спереди и сзади, животъ, и не смотря на свои гигантскіи руки съ замѣчательною пѣжностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и быстрою, пересыпаетъ солью жабры и съ поразительною аккуратностію укладываетъ семгу въ бочку плотно одна къ другой, такъ что рыба образуетъ сплошной слой, потомъ засыпаетъ солью, кладетъ досчатое дноще, своимъ грузнымъ корпусомъ придавливаетъ два раза, снимаетъ дноще и любуется замѣчательно однороднымъ и ровнымъ пластомъ семги, на который такимъ образомъ накладывается другой и т. д. — Въ одинъ день онъ уложилъ десять бочекъ семги. Подражая ему, укладывалъ свою семгу Петръ Андреевичъ и бабушкины внучекъ, но у нихъ все выходило далеко не такъ ловко и не такъ аккуратно.

19 Августа — день томительнаго ожиданія морскаго парохода, который по нашему расчету уже просрочилъ два дня. Въ 7 часовъ вечера приближалъ изъ Куй крестьянинъ и сообщалъ, что въ верстахъ сорока виденъ пароходной дымъ. Все пассажиры выбѣжали на мостыкъ, нѣкоторые взобрались на крышу и даже на трубу; смотрѣли въ сторону, гдѣ мужикъ указывалъ дымъ, но никто даже въ близкѣйшаго не могъ разглядѣть. Крестьянинъ

стоялъ на своемъ и дѣйствительно, черезъ часъ, мы восторженно различили, на далекомъ горизонтѣ за островами, дымъ, трубу и 2 мачты.

Въ 9 ч. вечера, пришелъ пароходъ „Сергій Витте“ и отдалъ якорь въ верстѣ отъ насъ. Мы сейчасъ же подошли къ нему; начался обмѣвъ впечатлѣній. „Сергій Витте“ дѣлалъ свой первый рейсъ. Все поражало чистотою и блескомъ новизны, особенно послѣ попутительно гризвѣй „Ижмы“ и стараго „Казы“. Мы были въ восторженномъ состоянн отъ прелестнаго парохода, обставленнаго съ возможнымъ комфортомъ, и отъ того, что наконецъ попали въ уголокъ Европы. Сразу опредѣлялся дѣйствительно: дикая, чуждая намъ Печора — на „Ижмѣ“, — и какъ бы у себя дома на „Сергій Витте“ — электрическое освѣщеніе, диваны, кресла, прекрасныя койки съ чистымъ бѣльемъ, умывальники, столы, чистота въ каютахъ и на палубѣ — да неужели намъ предстоитъ всѣмъ этимъ воспользоваться? Намъ вспомнился другой счастливый моментъ въ жизни, когда послѣ двухмѣсячнаго путешествія на лодкѣ по Сѣв. Двию мы сѣли на жалкій рѣшной пароходъ и заняли узкую каюту, которая намъ показалась верхомъ комфорта.

Здѣсь же мнѣ удалось познакомиться съ капитаномъ Поповымъ, которымъ гордятся весь нашъ сѣверный частный флотъ и опытность котораго известна всему нашему сѣверу. Идетъ обсужденію животрепещущихъ интересовъ сѣвера: о Навсепѣ и Джексовѣ, о Колѣ и Екатерининской гавани (при чемъ Поповъ стоялъ за эту послѣднюю), объ опасности плаванія по Ледовитому океану и въ частности о пути на Печору, о постройкѣ нашего парохода и приводѣ его изъ Англии, о его удобствахъ, о замѣчательно устроенномъ паровомъ рулѣ, управлять которымъ не требуется никакихъ усилій, наконецъ говорили о практическомъ воспитанн нашихъ сѣверныхъ моряковъ, которые вполовѣ входятъ въ интернациональную семью представителей морской профессіи. Поповъ оказался замѣчательно бывалымъ морякомъ, знающимъ условия плаванія по всѣмъ главнымъ пароходнымъ артеріямъ міра и посѣтившимъ всѣ главные порты свѣта. Его простые но формѣ

разсказъ, по своей увлекательности и интересу, перенесли насъ изъ область англійскихъ разсказовъ изъ морскаго быта, которые мы раньше считали столь чуждыми условіямъ русской жизни; теперь мы видѣли предъ собою закованнаго моряка, который, если бы не посылъ Фамиліи Попова, сѣлъ могъ бы фигурировать въ качествѣ героялюб-го изъ увлекательныхъ англійскихъ разсказовъ изъ морскаго быта. Поразительно, какъ условія жизни и профессіи нивелируютъ людей.

Къ нашему удовольствію мы узнали, что завтра утромъ мы отправимся въ путь, такъ какъ дѣлъ съ Печорою почти нѣтъ.

Утромъ 20 Августа большое оживленіе на обоихъ пароходахъ, благодаря выгрузкѣ и нагрузкѣ товаровъ. Пассажиры перемѣнились мѣстами на „Шмю“ съ въ усть-цылемской вагончелъ, бывшій развѣтился въ Архангельскъ и разсказывавшій о впечатлѣніи, которое онъ испыталъ, увидѣвъ ли первый разъ въ жизни желѣзную дорогу. Плывавшая бабка, пріѣхавшая на службу въ Печорскій уѣздъ въ вѣскользо промышленниковъ. Кроме багажа, мебели, изъ Архангельска пріѣзжа вѣсколько лицъ-ковъ съ виноградомъ, яблоками, огурцами и капустой. Хозяевами этого товара оказались татары, пріѣхавшие въ Печору развѣдать условія торговли. Они раскупорили товаръ и тутъ же черезъ два три часа все распродаютъ. Винограды и яблоки вывалили удивленіе, какъ необычайные фрукты, огурцы и капуста цѣнились, какъ рѣдкія овощи.

Въ 11 часовъ состоялся торжественный завтракъ на Шмю, на который были приглашены Наричаимъ класные пассажиры и капитанъ Поповъ. Подъ конецъ завтрака и для мамланское, скромный Михайль Степановичъ сказалъ превращеную рѣчь о промышленномъ заведеніи Печоры и предложилъ тостъ за процвѣтаніе Печоры и ея соединеніе съ остальными Россіей черрозъ Чердынь и Архангельскъ.

Въ 12½ часовъ мы перешли на „Сергія Витте“ и въ первомъ часу дня сплывъ съ явора.

При легкой и тихой погодѣ осторожно пробираемся по рукавамъ Печорской дельты. Мы миновали уже знакомый вамъ Ботванскій Носъ, подходимъ въ трѣхъ безжизненныхъ террасахъ, падающихъ у Пинева, наблюдаемъ прекрасное обнаженіе тонкобурой глины на обрывѣ материка, подмыываемого здѣсь моремъ, наконецъ наивно видимъ ряды округленныхъ изолированныхъ холмовъ, называемыхъ по мѣстному „сонниками“; вѣтѣи контуры береговъ сливаются съ горизонтомъ и мы находимся въ открытомъ морѣ.

XV.

21 Августа. — Утро. Теплая, солнечная погода; дуетъ слабый вѣяный вѣтеръ. Плавное дыханіе океана, въ видѣ медленнаго поднимающихся и опускающихся гигантскихъ волнъ, производитъ небольшую колеблющуюся и чувствую себя на томъ рубежѣ, когда стоять только невозможно поддаться и впасть въ послѣдствія морской болѣзни. Настроеніе тоскливое, голова тяжела, въ вискахъ дementное чувство. Гимназистки, учительница и Саша страдаютъ морскою болѣзью, за ними ухвативается моя жена. Я стараюсь поддержать бодрое настроеніе, хожу по пароху, разговариваю и шучу съ капитаномъ и нашими слугами, слѣжу за морскою картою и каждую минуту не могу забыть вѣщающаго чувства, предшествующаго морской болѣзни.

Въ полдень подошли близко къ Матвѣеву острову, съ его обрывистыми вертикальными берегами, перерѣзаннми многочисленными бухточками и съ одиноко стоящими вблизи его скалами — остатками размытаго берега.

Въ 2 часа захѣтили синюю полосу Вайгача. На немъ постепенно стали обрисовываться лишенные растительности края съ волнистыми, мѣстами угловатыми контурами, сразу обрывающимися у Нгорскаго шора и террасами спускающимися къ скалистому побережью, развѣтывающемуся передъ нами. Высокіе, крутые, скалистые берега, сложенные изъ поставленныхъ на

голову и круто падающих сланцевъ, причудливо изрѣзаны прибойною волною на лабиринтъ бухточекъ, ущельевъ, окаймленныхъ вертикальными оголенными скалами, изъ которыхъ многія выдаются острыми мысами въ океанъ, другія, совершенно отмыты отъ острога, стоятъ въ видѣ причудливо вымѣтрѣнныхъ столбовъ въ океанѣ, который свирѣво продолжаетъ разрушать ихъ своими гигантскими волнами. На немногихъ намытыхъ меляхъ желтѣетъ цесокъ, а въ узкихъ ущельяхъ ярко бѣлѣетъ гилъ и ледь.

Передъ нами ширъ чайной проливъ. Волнение прекратилось; вернулось хорошее расположеніе духа. Чудная солнечная погода съ очень слабымъ вѣтеркомъ дѣлаетъ путешествіе очень пріятнымъ.

На правомъ берегу Больше-Земельская тундра сначала коротко понижается къ морю, а потомъ сразу обрывается невысокими, но скалистыми берегами, пострепанными круто падающими темными сланцами, прикрытыми горизонтальными слоями сѣрой гилы и чернаго торфа.

Вдали въ синеватомъ туманѣ застылъ высокій, мрачный хребтъ Пай-Хой, крутыми утѣсами обанчивающійся у моря и возвышающійся грандіознымъ вращемъ съ острыми вершинами внутри материка. Подвигавсь даѣе по зеркальной поверхности Югорскаго моря, мы слѣдимъ, какъ этотъ могучій сѣверный великанъ краемъ все лѣнѣе подвигается на горизонтъ, окаймленный съ одной стороны голубою ровною поверхностью моря, а съ другой зеленовато-сѣдымъ волнистымъ ковромъ тундры. Повернувъ направо мы увидѣли передъ собою широкую, красную бухту, полукругомъ вращивающуюся въ материкъ, среди нея на гладкой поверхности воды военный пароходъ — Плхтусовъ, а на правомъ берегу рядъ неопредѣленныхъ очертаній, среди которыхъ выдѣлялись конусовидные контуры чумовъ — это Хабаровъ.

Между тѣмъ непосредственно передъ нашими глазами можно было наблюдать интересное зрѣлище на невысокомъ и надернованномъ зеленовато-сѣроватомъ берегу Пайгача обрисовался темный утѣсокъ, на которомъ во множествѣ торчали какіе то вѣтки, которыя я сначала принялъ за вустарники, съ оцаншею

лиственно. Но къ моему удивленію я началъ замѣчать, что этотъ участокъ мѣняетъ свои очертанія, то разбѣгается во всѣ стороны, то суживается, то спускается къ водѣ и здѣсь исчезаетъ. Когда нашъ парходъ подошелъ ближе, я, хорошенько всмотрѣвшись, могъ различить громадное въ нѣсколько тысячъ головъ стадо оленей, которое самовѣды при помощи собакъ подгоняли въ шару и переправляли впадою на другую сторону пролива въ Больше-Земельскую тундру. На поверхности воды съ большимъ трудомъ можно было различить отдѣльныя точки — головы вынывшихъ оленей. На правомъ берегу, около одиноко стоящаго чума, стояло стадо уже переплывшихъ животныхъ, въ которыхъ присоединились выходившие изъ воды товарищи. Для самовѣдовъ осенняя переправа оленей съ Вайгача въ Больше-Земельскую тундру — дѣло очень важное. Иногда олени ни за что не идутъ изъ воды. Тогда приходится загонять ихъ силою и въ крайнихъ случаяхъ приносить для умилоствленія злого духа, пугающаго оленей, жертву, въ видѣ зарѣзаннаго оленя. Одного ѣхавшаго съ нами богатаго русскаго промышленника упрекали въ совершеніи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, этой языческой жертвы, послѣ которой ему удалось такъ переправить стадо на другую сторону.

Направо, на зеленовато-сѣровато-сѣдомъ покровѣ тундры рѣзко обозначался небольшой краешъ, круто обрывающійся у пролива. На мысу у моря стоялъ астрономическій знакъ — деревянный столбъ съ перекладиной на верху, а идяли на болѣе высокой части одинъ изъ стоялъ большой деревянный крестъ. Мы являлись, какъ плавно наступающая волна разбивалась на снопы блестящихъ искръ о черную поверхность скалъ и вѣжно ласкала пологіе склоны, помогая оленямъ выбираться на берегъ изъ ледяной и соленой воды пролива. Подъ защитою одной изъ скалъ притаился одинокій дымящійся чумъ, около котораго, какъ извѣстна, неподвижно стояли олени.

Послѣ путешествія въ открытомъ морѣ, гдѣ вода и небо не уступаютъ другъ другу въ однообразіи и чисто сливаются въ одну тухавшую массу, материкъ всегда даетъ множество впечатлѣній и кажется безконечнымъ въ своемъ разнообразіи.

Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ сосредоточить свое вниманіе или на все испѣе и испѣе вырисовывающемся наизвѣстномъ очертаніи пролива, замыкаемаго вдали другъ противъ друга расположенными мрачными утесами Вайгача и Урмла — какъ бы двумя гигантскими часоушми, оберегающими проходъ изъ Европы въ Азію, или на скалистомъ Вайгачѣ, съ бѣлыми полами снѣга въ ложбинахъ, среди сѣроватозеленой, иногда темной поверхности террасоваго склона, или на туманномъ Пай-Хоѣ, сливающимся съ свинцовыми облаками, угрожающими намъ со стороны Карскаго моря, или же отвѣтить на пріѣздъ кучки офицеровъ и матросовъ, разсматривающихъ насъ съ военнаго парохода, или же сѣднть, какъ среди этой цѣневѣющей пустыни на зеленоматосѣромъ фонѣ безотрадной тундры развертывается видъ мѣгвой извилины Каторскаго Шара своеобразное Хабарово, — и вначатокъ порта, которому суждено будетъ связать глубокой сѣверъ съ остальной частью Россіи; теперь же этотъ длинный рядъ дымящихся самоѣдскихъ чумовъ, съ затерянными нѣсколькими избушками и амбарчиками, на восточномъ концѣ котораго выглядываетъ крохотная желтѣющая изба-церковь, а на западной сторонѣ стоитъ неуклюжей постройки красноватый громадный Сибиряковскій амбаръ-складъ — одна ли сравняется по своему убожеству съ какими либо другимъ селомъ нашего сѣвера.

Намъ пароходъ, огласивъ окрестность протяжнымъ гуломъ, грузно отдалъ якорь на 10 саж. глубины. Въ Хабаровѣ засуетились, побѣжали къ берегу и черезъ нѣкоторое время къ пароходу подъѣхало нѣсколько лодокъ съ самоѣдми и русскими. Въ Хабаровѣ бывшій съ нами чиновникъ особыхъ порученій г. Давыдовъ долженъ былъ выгрузить привезенный имъ хлѣбъ въ амбаръ Сибирякова. Пока производилась выгрузка, мы въ лодочкахъ отпразднлись на берегъ.

Причалили прямо къ тому мѣсту, гдѣ стояла маленькая четырехъ-угольная избушка съ крестомъ наверху — мѣстная церковь. Она была заперта, такъ какъ прѣбывавшій съ нами на пароходѣ настоятель этой церкви не успѣлъ еще высадиться.

Около церкви стояла крохотная деревянная часовня съ иконою Николая Чудотворца. На столѣ были свѣчки и блюдо, на которомъ дежали мѣдные деньги. Черезъ часовней три большіе восьмиконечныхъ креста съ высѣченными славянскими надписями. Одинъ изъ нихъ поставленъ Сибир. ковымъ.

Первыя двѣ мѣ, я направился къ видѣвшимся восточнѣе Хабаровы геологическимъ обнаженіямъ. Пройтись на лодкѣ переправиться черезъ небольшой протокъ, соединяющій съ проливами лагуны, въ которой стояло нѣсколько парусныхъ каюковъ. Далѣе шелъ вѣстною съ юго-восточнаго вертикальный берегъ, сложенный сѣверными тонкоплатчатыми известковыми сланцами, съ трещинами, выполненными бѣлымъ известковымъ шпатомъ. Слон надале на юго-западъ, съ угломъ наделения въ 30 градусовъ. Ови живописно были разбиты прибойною волною и образовали причудливыя поверхности размытая гл. Надъ ними лежалъ вывѣтрившійся слой, сначала образующій темную граву съ остатками сланца, потомъ тяжелую известковую однородную граву, переходящую въ самый поверхностный свѣтлосерый слой расщепчатой, нѣжной, известковой глинъ съ многочисленными порами, поразительно напоминающей нѣкоторые разновидности нашего степного лесса. Случайно ли здѣсь проявилось такое сходство, или сѣверная степь — тундра сходно влияетъ на вывѣтриваніе породы, какъ и ея южная сестра — вопросъ, на мой взглядъ, открытый. Впрочемъ рядомъ можно было наблюдать мѣстныя слои торфа, лежащіе на сланцахъ безъ всякаго промежуточнаго вывѣтривающагося слоя.

Вернувшись обратно къ церкви, мы отправились вдоль берега черезъ Хабарово на западную его окраину, гдѣ видѣлись болѣе грандіозныя скалистые обнаженія. Здѣсь разлиты тѣ же сланцы, круто выдающие на юго-западъ и образующие рядъ размытыхъ утесовъ. Мнѣ не удалось найти никакихъ окаменѣлостей. Нансенъ, посетившій эту мѣстность въ 1893 году, былъ болѣе счастливъ и привезъ оттуда рѣдкую коллекцію палеонтологическихъ ископаемыхъ. Если бы я тогда зналъ о находкѣ Нансена, я былъ бы болѣе внимателенъ къ своимъ наблюдениямъ. Правда, на берегу я наблюдалъ груды хмелей, преимущественно валуновъ, правдо-

зенныхъ въ качествѣ балласта съ Печоры, между которыми особенно выдѣлялись арктискіе песчанники съ растительными остатками, но въ коренныхъ породахъ мнѣ не удалось найти какихъ либо органическихъ слѣдовъ. Этимъ я не хочу никоимъ образомъ подрывать достовѣрность находки Нансена, тѣмъ болѣе, что, судя по описанію, порода, въ которой найдены имъ окаменѣлости, принадлежитъ къ кореннымъ сланцамъ, развитымъ у Хабаровца, а окаменѣлости, по геологическому возрасту, сходны, съ найденными на Вайгачѣ.

Со скалистого берега мы изобразили на покрытую торфянымъ болотомъ и кочками довольно широкую террасу, пройдя которую поднялись на высокую часть тундры, гдѣ среди жалкой тундрннстой и моховой растительности обнажились тѣ же сѣрые сланцы, которые мы наблюдали на берегу. Но какія своеобразныя сочетанія растеній: разнообразныя мхи и яныя повидимому господствуютъ, около нихъ пріютились низкорослыя травы, съ крошечными цвѣтками (напр. незабудка величикою съ булавочную головку), карликовые кусты ивы и искривленной березы—совершенная противоположность нашему растительному покрову.

Хабарово въблизи столь же оригинально, какъ и издали. Намъ пришлось пройти черезъ все селеніе съ одной окраины на другую. За церковью шли самоѣдскіе чумы и въсколко крохотныхъ лачужекъ-избушекъ, съ русскимъ населеніемъ, между которыми находится маленький домикъ для священника. Теперь этотъ домикъ, за отъѣздомъ на тѣто священника, временно занималъ извѣстный плярный пейзажистъ художникъ Борнсовъ. Въ русскихъ избахъ было болѣе оживленіе — играли на гармоніи и пировали вокругъ стола, на которомъ стоялъ самоваръ. Остальная часть Хабаровца жила самою обыкновенною мирною жизнью. Ковусовидныя чумы, столь стройныя издали, оказались въблизи довольно таки грязными. Черныя отъ копоти жерди, составляющія остовъ чумъ, были покрыты составленнымъ изъ небольшихъ кусочковъ перовой снѣгнхъ, старыхъ оленьихъ икуръ, выгорѣвшихъ и въ общемъ довольно такъ потертыхъ. Почти всѣ чумы дымлясь. Вся жизнь совершалась вокругъ чума. Массы

собакъ лаяхъ, всевозможныхъ величинъ и разновидностей, очень неряшлихъ и поджирыхъ, суетилась вокругъ чума, весьма оживленно играя какъ съ дѣтьми, которыя, благодаря своимъ связямъ шерстью вверхъ, сами походили на какихъ то неуловимыхъ шѣрьяновъ, такъ и съ псами, сидѣвшими дѣлами группами на металлическихъ цѣпочкахъ, прикрѣпленныхъ къ волюбкамъ, вбитымъ въ землю. Только олени стояли, какъ изваяны, совершенно неподвижно и безучастно относились къ окружающей веселой компаніи. Почти у каждаго чума сидѣла самоѣдка и сосредоточенно чинила похрипку чума, состоящую, какъ сказано, изъ оленьихъ шкуръ.

При нашемъ приближеніи мирная картина варушалась: собаки внезапно бросились на насъ, дѣти съ воплемъ притались въ чумъ, псы приближались къ коланкамъ, выгребая стипу, свалили зубы и принимали оборонительное положеніе, старая самоѣдка унимала собакъ, а изъ чума высовывались болѣе молодыя самоѣдки съ маленькими коритцами, висѣвшими на цѣпочкахъ, перекинутыхъ черезъ шею. Въ коритцахъ лежали закутанные въ оленьи шѣхи, вмѣсто пеленокъ, грудные дѣти, красиво перенятые вмѣсто повивальницъ, шѣдными цѣпочками, прикрѣпленными къ ихъ оригинальной волюбелі. Не выпивая ребенка изъ колыбели и не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ матери кормили дѣтей грудью. Сзади несмѣло выглядывали другія дѣти, причась за матерей. Старуха водворила рядовъ среди собакъ и разревѣвшихся перекутаныхъ дѣтей. Остальная женщина безучастно и туго глядя на насъ, отъ насъ ничего нельзя было добиться; еще старуха, какъ болѣе смѣлая, отрывочными словами, иногда отвѣчала на наши вопросы; только одинъ олень не выходилъ изъ своего оціневѣлаго состоянія сѣтые, полные, съ прекрасною, мягкой шерстью, красными рогами, подрытыми и въжымъ пушкомъ, съ добрыми ясными глазами, они совсѣмъ не выглядывали столь тѣдунными, какъ ихъ сотоварищи, услаждавшие петербургскую публику зимой на Невѣ. Но что за ужасная грязь кругомъ, какъ отъ запрягаго и людскаго помета, такъ и отъ всевозможныхъ объѣдковъ, отбросовъ и нечистотъ, налявшихъ повсюду! На палкахъ и жердяхъ было развѣшено множество раз-

ныхъ шкуръ для просушки, между которыми видѣлись съ десятокъ шкуръ бѣлыхъ медвѣдей и медвѣжатъ разныхъ размѣровъ. На землѣ стояли и лежали бочки, наполненные жиромъ и саломъ. Особенно неприятное впечатлѣние производили помосты и крышки амбаровъ, замасленные оленьими задками и тушами, почеркнѣвшими отъ вѣтра — это былъ самый способъ сохранения мяса путемъ проветриванія и проливания его на воздухъ. Среди этой своеобразной картины видѣлись молодая девушка самоѣдки, наряженная въ красивые сараи, искусно украшенные разноцвѣтными пустыми шкурами, въ видѣ причудливыхъ узоровъ и орнаментовъ, съ перемонтированными кошачьими бусами, нѣжныхъ, серебристыхъ поместъ и бляшекъ, покрывавшихъ въ изобилии радостную грудь, съ чудными черными волосами и густыми длинными косами, туго перетянутыми шнуркомъ съ громадныхъ медныхъ узорчатыхъ дисковъ на концѣ волосъ стянутымъ голую голову, такъ что молодка всегда смотрѣла прямо и даже не безъ гордости вверхъ. Въ такомъ тяжеломъ нарядѣ она вѣчно проходила мимо пастъ или неподвижно стояла въ красивой позѣ, чтобы дать намъ возможность вблизи понаблюдаться надъ своеобразнымъ допотопнымъ видомъ и костюмомъ своеобразнымъ костюмомъ. Мужчины — самоѣды почти не были видны — большинство изъ нихъ были заняты тяжелой мукой, перевозкою оленей и снаряженіемъ оленя. Нарядна и падавшаяся самоѣды, бы старика, были совершенно пьяны, въ большомъ удивленіи акцианго наблюдателя, старая лагерь каждый разъ дѣлать, откупая медомъ достать водку во какъ бы ни быть медомъ самоѣды, они моментально собирались, въ чемъ дѣло, и гордо тѣшу околесану, что члѣнонокъ, махнувъ рукой, прокралъ свое дѣло. Истрѣченные самоѣды были оцѣны убого; съ рыбными лицами, большими глазами, часто имѣвшими одного глаза, грязные — они въ обществѣ проводили очень тяжелые впечатлѣнія.

За селеніемъ, изъ границъ тулара, стоялъ громадный караванъ высокихъ самбѣжскихъ саней, нагруженныхъ громадными и прикрытыхъ сверху оленьими шкурами. Пѣшкомъ сани, запряженныхъ тройками, носились по болотистой тулѣ, такъ что изъ

подъ полозьевъ брызгала вода, управлявшаи самоѣдъ какъ то особо вскрикивать, оленя постукивали копытами, отрывисто хрюкали, лезе за изъ вдали и потомъ усталые подъѣзжали въ прежнему мѣсту. Оленей переменяли и начиналась опять гонка.

Нали свутники, утомленные этою бѣдою, до грададенно самоѣдовъ сдѣлали нѣсколько поѣздокъ и были жестоко наказаны, такъ какъ вернулись совершенно мокрыми отъ брызгъ, вышатаившихъ изъ подъ полозьевъ снѣгъ.

На западной окраинѣ Хабаровска стоялъ громадный красноватый амбаръ Сибиряка, пользовавшійся на сѣверѣ большою популярностью, чѣмъ Уматова баня въ Ереванѣ. Около него шла дѣятельная работа по погрузкѣ муки. За амбаромъ — сѣдѣ нѣспользованныя и широко стѣнящія чумаки и спящія тулдра.

Такъ какъ до конца вырѣзки было еще далеко, то мы рѣшили пробраться на видѣющуюся вдали гору, съ водруженными на ней крестами, чтобы оттуда лучше осмотрѣть мѣстность. Мы шли очень осторожно, выбирая болѣе твердую почву среди мачевяныхъ кочекъ и гудящихъ мховъ и лишайевъ, подъ защитою которыхъ пріютилась крошечная лѣва и березка, выглядывавшая не болѣе четверти аршина надъ землею и уже съ начинающимъ опадать листьями. Мы собрали мачевяный букетикъ изъ карликовыхъ деревьевъ, зеленыхъ мховъ, сѣдыхъ лишайевъ, красныхъ голубыхъ цвѣточковъ, незабудокъ и бѣлыхъ съ желтыми сердцами иванъ-да-марій, который намъ вѣшалъ мачевяной ароматной андаломой намъ растительности. Вершина горы, покрытая сѣрымъ сландеватымъ щебнемъ и мачевяными лишайниками мховъ и лишайевъ не маняла къ себѣ. У идишья дѣло было лирично и готовина съ зелененькими терпкими выдохами оскверненными мхомъ вѣселилась въ глаза по богатству своей растительности. Мѣстами она была покрыта глубокими трещинами, обильными зернышками сѣва торфа, подъ которыми скрывался ручеекъ, ища выходъ и въ напористость. Немного упрямыхъ стоялъ одинокий джигурийскій чумакъ, свѣтъ его былъ сѣдѣ неподвижныхъ оленей, а въ сѣдѣ вдали слышны съ особымъ похлѣвомъ говора по тушѣ перепадавшимъ черезъ проходы животныхъ, на что иду елише оленя от-

вѣдали тоже несма характернымъ хрюканіемъ. Это были единственные звуки, которые слышались среди сѣверной мерзлой степи — тундры; какъ они отличны отъ сочетанія тѣхъ голосовъ, которые въ эту же пору слышались въ нашихъ южныхъ степяхъ!

Было около 9 часовъ вечера; бодрѣвшая прохлада при совершенномъ безвѣтріи и ясной погодѣ дѣлала нашу прогулку довольно приятной. Надъ туманнымъ Бай-Хоемъ стоялъ блѣдный дискъ луны, а съ другой стороны спускающійся въ озеро краснотелый солнечный шаръ своими послѣдними лучами припадалъ съ утесами, бросая блѣдныя тѣни у ихъ подножья, и робко выискивалъ съ легко вибрирующей поверхностью кризиса, Югорскій шаръ, небрежно раскинувшись, краснотелно потерпѣлъ къ сѣверу, бережно охвативъ таинственный, священный для самѣдъ въ, скалистый, высокій Вайгачъ, съ его причудливыми бухточками и заливами, и арѣвался въглубь противоположнаго берега, пріютивъ около себя полуостровъ, долуковное непримѣдное Хабарово. Въ проливѣ, какъ бы совершенно чуждые всему окружающему, спокойно выселись два громадные парохода. Черная едка змѣйгадалочечина линія изъ лодокъ, нагруженныхъ мукою, соединяющая пароходы „Сергѣй Витте“ съ Хабаровомъ и наглядно указывавшая на нашу временную связь съ этой чуждой намъ страной, уже рѣдѣла. Вотъ послѣдніе два лодка, слѣдившіе съ берегомъ, закончили выгрузку „Сергѣй Витте“ аротжно загудѣвъ, созывая своихъ разсѣявшихся пассажировъ.

Желая для сокращенія времени пройти по ближайшему пути, мы были жестоко наказаны, попавъ въ тѣрное болото съ такой холодной водою, что наши мокрыя до коленъ ноги просто застывали отъ холода. Только благодаря хорошему мѣстному, мы немного согрѣвъ наши ошеченіяшя конечности, ко да подошли къ спидальной насъ на берегу шти-на. Въ пассажиры были уже въ сборѣ и дѣлились своими впечатлѣніями, въ ожиданіи Давыдова, кончившаго выгрузку муки и отыскивавшего какого то самоѣда, чтобы взять отъ него расписку въ пріятіе груза.

Мы разсматривали черезъ замѣчательно прозрачную воду прилива, гдѣ водорослями густая заросля, оживляемая не-

многими моллюсками, производили болѣе отрадное впечатлѣнiе, чѣмъ унылый растительный покровъ тундры. Между тѣмъ на берегу, среди немногихъ любопытныхъ, появился художникъ Борисъ, проведенный здѣсь все лѣто. За нимъ несли ящики съ красками, мольбертъ, фотографическiе аппараты, ружья, иккры, мѣха, разный багажъ, дабы слѣдовать оживленнѣйшій эфиринецъ, среди котораго выдвигались бѣлѣныя и суетливыя лайки, испуганныя птицы и флегматичныя совы.

Наша пассажиры дрожали отъ холода. Какъ сказано, они имѣли неосторожность прокатиться на оленяхъ по тундрѣ и промоззли до костей отъ брызгъ, летѣвшихъ изъ подъ саней и оленьихъ копытъ.

Навѣщенъ мы на пароходъ, еще немного подождали г. Давида, которому нужно было побывать на пароходѣ „Нахтусонъ“ и около 10 часовъ вечера тронулись въ обратный путь.

Не безъ чувства удовольствия оставался мы этотъ участокъ земли, гдѣ человеческому уму принятъ съ остаться на уровнѣ дикаря-самойда въ борьбѣ съ невыносимыми для культурнаго человека условными жизни, который только вѣкъ перелетная птица посѣщаетъ эту страну болышею частью, чтобы дешево воспользоваться тяжелымъ трудомъ дикаря, рѣже подать ему руку помощи, или наконецъ удовлетворить своей любознательности.

Кругомъ смерть, леденящая смерть, въ борьбѣ съ которой еще крѣпится морское население и уже начинаетъ изнемогать на земной жизни.

Стверъ не имѣетъ еще своего поэта, который шелъ бы нисъ въ глубочайшiй трагизмъ замирающей природы, но онъ имѣетъ своего художника-пейзажиста, который навелъ красоту и въ безжизненной природѣ.

Въ общедъ какотъ оживленные разговоры. Конечно говорить о Вайгачѣ и Хабаровѣ. Художникъ Борисъ дѣлается съ нами свѣжими впечатлѣнiями проведеннаго лѣта. Въ этой связанной для самойда странѣ, которая фактически принадлежитъ ему, весь интересъ сосредоточивается на жизни самойда и на его жизненномъ спутникѣ оленѣ.

своемъ карбасѣ къ дорогому ему Кангуеву. Правда, онъ потеряетъ нѣсколько пудовъ времени, но на сѣверѣ борьба со стихіей учила его терпѣнію.

23 *Августа*. — И тогда очевь холодная и пасмурная. Проходимъ Канлинь полуостровъ — безжизненную каменную тундру. Изъ тумановъ туманы вышествовать начинаютъ. Мы разлучаемъ освѣщаемый солнцемъ слабо голубоватый и изъ хребта, спускающагося къ востоку и сѣверо-западу рѣкою въ желтый троякъ террасами, въ вышнихъ частяхъ холмовъ за сѣверъ скануть хребта и на террасахъ рѣбросаны, то въ видѣ небольшихъ предѣлахъ полетѣ, спускающихся къ морю, то въ видѣ отдаленныхъ лѣтѣ, спускающихся. Вдоль моря тянется довольно высокій обрывистый берегъ, приращаемый то глубокими скалами, то широкими, покрытыми зеленымъ мхомъ долинами.

Все гора и горы и хъ, песокъ и сѣверъ. И вечно не приращаемъ жижи, за исключениемъ какого то зыбля, различаемаго морями.

24 *Августа*. — Солнце разбѣло утренній туманъ. Молода теплая солнечная. Луна безъ пальто. Цѣлый штатъ. Мы идемъ вдоль Зимняго берега. Высокій крутой склокъ покрытъ наверху густымъ хвойнымъ лѣсомъ спускающимся внизъ фестонами по неглубокимъ, но широкимъ долинамъ — логамъ. Въ промежуткахъ обрывы и глубокая ущелья — обрывы съ обильными желтыми лѣсами и темными горами. Мѣстами обрывы, со спешеннымъ сверху на ихъ поверхность лѣсомъ, образуютъ красивые зеленые уступы.

На склонахъ одной падь лѣса и вѣтеръ дѣлаетъ красиво высятся зыбля рѣки малъ. Стѣны у берега небольшой антовой ларьходъ оживляетъ мѣстность.

Суровый зиметоревый берегъ хвятился. Отырлся зеленый лѣсистый зимний берегъ. Неодолимое лѣсное пространство, сливалось съ синевой горизонта, и широкими террасами понижается къ морю и одѣвъ пав сѣверомъ желтой песчаной полосой и въ круто падаетъ въ море желтыми на солнцѣ песчаными отбѣсными обрывами, изоборуженными прибрежьемъ волнъ.

Въѣзжаемъ въ Двинскую губу. Проѣхали запекшую намъ Кую, — богатое село, ничего общаго не имѣющее съ одноименнымъ ему, расположеннымъ у устья Печоры.

Наиболѣе стройная высокая балка Мудьюжскаго мала рѣкою видѣается на нестачномъ островѣ. Передъ нами деревянное судно съ мачтами на мачтахъ — это динскій плотовый малокъ улавливаетъ входъ въ Двину. На едва выблемей логикимъ пѣтерномъ поверхности воды какъ бы встали нѣсколько парусныхъ судовъ съ поднятыми парусами и нѣсколько дымящихся буксировъ, поднимающихъ баржи къ громаднымъ морскимъ ангарнымъ проходамъ, которые догруживаются по сию сторону бара.

Рядъ вѣхъ и бакановъ и безпрестанно работающихъ землечерпалокъ рѣкою очерчиваютъ каналъ (до 18 ф. глуб., перерѣзающій динскій баръ). Поравнявшись съ Мудьюжскимъ малкомъ, мы шли по каналу, пересѣкаемъ баръ. Впереди раскинулась сѣть широкихъ динскихъ рукавовъ, омывающихъ лабиринтъ луговыхъ островковъ. На лугахъ стоитъ сѣна, по рукавамъ видны лодки и суда.

Какимъ оживленнымъ кажется намъ этотъ пейзажъ послѣ сумрачно безжизненной природы только что покинутого нами глубокаго сѣвера.

Мы вошли въ узкую, но очень глубокую Маймаксу и идемъ по ней чуть ли не касаясь бортами береговъ. По обѣимъ сторонамъ или какъ бархаты ровные зеленые дуги, уставленные стогами спеленнаго сѣна, ароматы котораго мы вдыхаемъ, или густые, сѣдые перелѣски изъ ильма, ольхи, березы, ели. Кругомъ море людей, оживленіе же кабучками, шалашами, людьми и пасущимся скотомъ. Безпрестанно попадаются настрѣчу лодки, баржи, суда и пароходы. Маймакса крѣпко плавнвется, принимая въ себя столь же многоводная, какъ и она рукава.

Намъ кажется, что мы гдѣ то въ очень южной странѣ, одаренной природою всѣми благами. Этому способствуетъ и чудная солнечная теплая погода. Всѣ на пароходѣ въ особую праздничную настроены. Утрохъ вымытый и вычищенный пароходъ блеститъ на солнцѣ особенно своими мѣдными принадлежностями.

Капитанъ и штурманы были въ форменны фуражки и пальто, подбля чистое крахмальное бѣлье, обивки въ коже сюртуки и котелки.

Самъ капитанъ Поповъ, легкимъ и рикословенемъ пальцами уравнивалъ паромъ рулемъ, ловко ведетъ пароходъ среди убоаго руса Маймакса. Мы вошли въ Данку — живая промышленнаго, коммерческаго порта въ полномъ ходу — дымлящаяся трубы лесопильныхъ заводовъ, множество пароходовъ всѣхъ размафровъ, мачты, склады, амбары, всюду люди...

Въ 4 часа передъ нами разступился и самъ Архангельскъ

Варшава.

20 Марта 1902 года.

2.4

ОПЕЧАТКИ.

НАПЕЧАТАНО

СЛОВАМИ ЧИТАТЬ

Стр. исход.	Строч.		
4	3 снизу	состудовъ	судовъ
5	7 сверху	черныкъ	черныкъ
7	13 снизу	неисключительно	неисключительно
9	16 сверху	спуска-мнѣя	спуска-мнѣя
10	11 "	скандальность	скандальность
18	17 снизу	начнутъ	начнутъ
17	14 сверху	княже	княже
21	16 "	наглядывается	наглядывается
63	17 снизу	уступъ,	уступъ
54	13 сверху	своему божеству	своему божеству
61	16 снизу	сшибущей	сшибущей
64	11 "	къ	къ
90	6 сверху	носивъ	носивъ
92	14 "	къ	къ

18556
913

1825
2/2

Цена 80 коп.

ГПБ Русский фонд

38. 48. 1. 31.